

Библиотека журнала «Мишпоха»
Серия «Моё местечко»

Путешествие во времени и пространстве

Очерк

Витебск, 2025

УДК
ББК
П

ШУЛЬМАН АРКАДИЙ ЛЬВОВИЧ

*Книга вышла благодаря поддержке
Бориса Голубовича, Сергея Сачика.*

*Журнал «Мишпоха» выражает благодарность за постоянную
поддержку Союзу Белорусских еврейских общественных
организаций и общин.*

Путешествие во времени и пространстве / А.Л. Шульман. -
Витебск: Витебская областная типография, 2025.- 104 с. : ил.

ISBN

Путешествие во времени и пространстве – это путевые заметки, сделанные во время поездки в город Лиду и близлежащие населённые пункты. До Второй мировой войны там были большие еврейские общины. Они погибли в огне Холокоста. Что сохранилось от еврейского присутствия сегодня? Есть ли еврейские общины? На эти и другие вопросы отвечает автор в своей книге.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

**УДК
ББК**

ISBN

© Шульман А.Л., 2025
© Оформление. УПП “Витебская областная
типография”, 2025

В Лиду ехал с хорошим настроением. За тридцать лет работы журнала «Мишпоха» в четвёртый раз в командировке в этом городе. И всегда доброжелательный приём, встречи с интересными людьми, запоминающиеся поездки по окрестностям, красивая природа.

С Лидой связана и часть биографии моей семьи. В 1939 году деда Абрама Шульмана после 17 сентября и присоединения Западной Беларуси к БССР отправили на работу из Витебска в Лиду. Отец, которому тогда шёл шестнадцатый год, поступил там в педагогическое училище на филологический факультет. Жили до начала войны. Деда забрали на фронт, и домой он уже не вернулся.

Бабушка с тремя детьми успела в грузовике, вместе с другими витебскими, уехать на восток. Я в детстве слышал этот рассказ и хорошо его запомнил.

На автовокзале Лиды меня встречал Сергей Сачик – инициатор и организатор нашей экспедиции по городам и местечкам Гродненской области. Сергея знаю несколько лет, но прежнее знакомство было шапочным.

Родился в Лиде сорок пять лет назад. Сегодня Сергей – заместитель председателя Лидской общины прогрессивного иудаизма и Лидской городской еврейской общины (мемориально-культурного еврейского объединения).

Поездку по еврейским местам Гродненщины начали, как и полагается, с чаепития. Потом заехали за Андреем Фишбайном. О нём ещё расскажем подробнее. Он не только интересный человек, но и знаток местной истории.

Первая поездка в Радунь. От Лиды это 30 километров. Хватило времени, чтобы обсудить предстоящие встречи, интервью.

О Радуне я много слышал и прежде. Известное в еврейском мире место, которое снова зазвучало с середины 90-х годов, когда сюда поехали первые паломники. Организаторы поездок, местные власти, бизнесмены стали публично обсуждать свои дальнейшие шаги. Каждый преследовал определённые цели, но все произносили название Радунь.

Сейчас численность населения городского посёлка Вороновского района Гродненской области – 2000 человек. В когда-то еврейском местечке евреев больше нет. Белорусы, поляки, литовцы. Статистики у меня нет, но, по рассказам местных жителей, поляков и литовцев становится меньше. Зато в последние годы (десятилетие) значительно увеличилось цыганское население. Когда в окрестных населённых пунктах встречаются цыган, говорят «радуньские».

Забегая вперёд, думаю: когда снова заработает иешива, всё, что строится при ней, и здесь будут учиться будущие раввины, приезжать паломники, – интересный получится национальный состав городского посёлка.

Я ехал в Радунь впервые. И прежде чем сесть в машину бегло познакомился с историей места.

Городской посёлок впервые упоминается в летописях с конца XIV века. Развивался, строился. Появился замок. Получил Магдебургское право.

Евреи начали селиться в Радуне с конца XVII века. В 1765 году здесь и в близлежащих местечках проживал 581 еврей, в 1847 году – 283, в 1897 году – 896. Уже немало. Синагога, раввины, миква, кладбище. Наступил XX век и появился еврейский бизнес. Не сидится нам спокойно. Ссудо-сберегательное товарищество. Владели единственным в Радуне складом аптечных товаров (с аптеками дружим!), двумя мануфактурными лавками и мельницей.



Здание радуньской иешивы.

Последние десятилетия — местный Дом культуры.

Скоро снова в этом здании будет иешива.

Конечно, политические партии. Как без них, два еврея — три партии, включая сионистские.

За разговорами незаметно пролетела дорога. Сразу подъехали к зданию бывшей иешивы. В Радуне есть и действующая православная церковь, и костёл, но, мне кажется, бывшая иешива — самое знаменитое место в местечке. Улица Советская, 29. Местные шутят: «Советская иешива». Хорошо сохранившийся дом из красного кирпича. Молельный зал, как положено, в два уровня. Чердачное помещение. Несколько десятилетий здесь был посёлковый Дом культуры. Правда, занимал не всю площадь. Часть пустовала. (Видно, культуры в посёлке не хватало на все помещения). Но благодаря тому, что здание было задействовано, оно и сохранилось. Недавно были обновлены окна, двери. На здании прикреплены баннеры с текстами на иврите.

Недалеко от крыльца ребята, девушки что-то обсуждали, смеялись.

Я попросил разрешения сфотографировать их на фоне иешивы.

– Вы откуда? – спросили они.

– Из Беларуси, – ответил я.

– Значит, не еврей, – как-то даже разочарованно сказали они.

Слова развеселили меня.

– Почему так решили?

– Евреи из Америки, Израиля и ещё какой-то страны, – сказали они, но вспомнить название страны не смогли, – они не такие, как вы.

Меня заинтересовало.

– Какие они?

– В шляпах, – сказал один.

– С бородами, – дополнил другой.

– А что они здесь делали?

– На кладбище молились. Здесь на траве сидели.

За зданием иешивы я услышал голоса Сергея и Андрея и пошёл к ним.

Строится красивое трёхэтажное здание. Андрей и Сергей разговаривали с мужчиной, который сидел у открытого окна на третьем этаже.

– Что здесь будет? – спросил я.

– Гостиница, – ответил Сергей.

– Много евреев ждёте? – спросил я человека у открытого окна.

– Я не еврей, – поспешно ответил он. – Я поляк.

Мы познакомились. Мужчину зовут Саша. Оказался разговорчивым и, как мне показалось, гостеприимным человеком. Он и за стройкой присматривает, и сам что-то строит.

Саша разрешил войти в здание будущей гостиницы, посмотреть его. Хорошая планировка, красивая отделка. Уже завезена мебель. Иногда Саша что-то комментировал.

– Здесь будут жилые комнаты, здесь комната раввина... Уже первые постояльцы приезжали. Гостиница, правда, до конца не готова. Но разместили.

Мы вышли во двор, сфотографировались на крыльце. Саша продолжил рассказывать о соседнем здании.

– Здесь будет столовая или ресторан, – сказал он.

На дверях мезуза. Сразу у входа – место для мытья рук и кружки для воды с двумя ручками. Просторный светлый зал.

– В иешиву можно попасть? – спросил я.

– Будет аукцион, решится вопрос собственности, тогда пожалуйста, – ответил Саша. – А пока нельзя.

Обошли ещё раз вокруг здания. Кое-где на фасаде сохранились следы надписей на иврите.

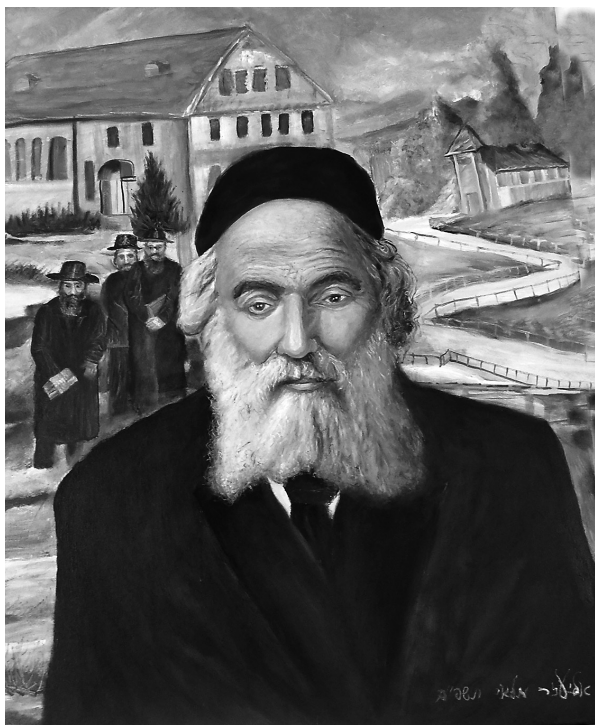
– Знаменитая иешива, – сказал Андрей, – здесь училось 12 главных раввинов стран мира, а всего обучалось более 200 учеников.

65 лет жизни посвятил иешиве Хафец Хаим. Он сделал её известной во всём мире. Она названа в его честь.

Вокруг имени Хафеца Хаима много легенд. На то он и легендарная личность, каждым днём своей жизни подтверждавшая это.

Исраэль Меир Пупко (Хафец Хаим) был сыном Арье Зеева, учёного и набожного еврея, выпускника Воложинской иешивы. Родился в Дятлово в 1838 году. Отец прививал любовь к науке с детства, брал мальчика, уже тогда выделяющегося своей удивительной памятью среди сверстников, с собой в Вильно, когда посещал местных знатоков Торы.

В 18 лет Исраэль Меир женился и переехал в Радунь. В 24 года опубликовал первую книгу «Хафец Хаим» («Жаждающий жизни»). Труд прославил молодого автора, а псевдоним стал вторым именем. Книга посвящена обсуждению греховности злоязычия. На эту же тему написана «Шмират ха-лашон» («Воздержанность в речи», 1876). В книге «Ахават хесед» («Влечение к благодеянию», 1888) автор исследует предписания о благотворительности. Над своим капитальным трудом «Мишна брура» («Ясное учение», в 6-ти томах, 1884–1907) Исраэль Меир ха-Кохен работал 28 лет.



Портрет Хафеца Хаима.

Книги Хафеца Хаима сегодня читает или знает о них каждый израильский школьник. По своей популярности они уступают только Торе.

В 1868 году возглавлял иешиву в Василишках (близ Вильны), а в 1869 году вернулся в Радунь. К нему начали стекаться ученики, и в том же году образовалась иешива.

Знаменитый человек вёл скромный образ жизни. Не занимал опла-

чиваемых постов. Жила семья на доходы, которые приносила небольшая бакалейная лавка. Торговала в ней жена, бухгалтерию вёл муж. Товары в лавке были высокого качества, цены невысокие. Беднякам отпускали в кредит, а тем, кто особенно нуждался, списывали долги. Правило бизнеса о том, что выгодно жить честно или честно жить выгодно, появилось, конечно, не в Радуни и не имело никакого отношения к бакалейной лавке, но абсолютно точно попадало в цель.

Вскоре не было отбоя от покупателей! Другой бы радовался, но реб Исраэль-Меир задумался: «Что же заработают другие торговцы, если все идут только к нам?». Он велел открывать

лавку только по утрам. Теперь покупатели собиралась к открытию. Тогда реб Исраэль-Меир запечатал вход с улицы и оставил вход со двора, для соседей. Вскоре через двор потянулась вереница людей... В 1870 году лавку пришлось закрыть, реб Исраэль-Меир боялся причинить ущерб другим торговцам или, не дай Бог, их разорить.

Такая любовь к ближнему и трепет перед Небесами!

Вы сами рассудите: легенда это или быль?

Хафец Хаим заботился об учениках. В радуньской ешиве был упрощён обычай, когда ученики столуются у разных семей. Чтобы не смущать скромных и не отвлекать от занятий, еду приносили от местных жителей прямо в здание иешивы. Если кто-то оставался без обеда, глава иешивы сам приносил для него горячий обед. Позже была построена кухня, где трудились дочери Исраэля ха-Кохена, и вопросы питания были решены.

Весь день Хафец Хаим проводил в трудах и в изучении Торы.

Одно из основных его наставлений сегодня воспринимается людьми, далёкими от учения, как пожелания «доброго дяди» или философская притча.

Нельзя плохо отзываться о людях. Даже если ты видел, что человек совершил плохой поступок, ты не должен об этом рассказывать ни одной живой душе! Ни слова не должно соскользнуть с языка! И тогда в твоей жизни появится счастье и начнёт способствовать удача.

С началом Первой мировой войны в 1914 году ради спасения своих учеников Хафец Хаим отправился с ними в местечко Смиловичи около Минска. С приходом власти большевиков разрешил евреям покинуть Радунь.

В 1921 году местечко в составе Польши. Иешива работала до 1939 года. После 17 сентября, когда Красная Армия вошла в Радунь, была конфискована новой властью.

В 1940 году большинство преподавателей и учащихся переехали сначала в Вильнюс, а позднее в США.



Фрагмент мацевы на могиле Хафеца Хаима.

История иешивы, как и история этих мест, непростая, со многими не до конца исследованными, спорными страницами.

Дом, в котором жил Хафец Хаим, находился недалеко от иешивы и сохранялся в сносном состоянии до 2001 года. Последователи Хафеца Хаима с разрешения властей разобрали его до единой дощечки, единого гвоздя и перевезли в США. Сначала до Риги, а там через океан в Америку.

Думаю, они поторопились. Но их можно понять: видя, в каком состоянии находилось еврейское кладбище, где нельзя было найти могилу праведника, видя здание знаменитой иешивы, отданной под клуб – место для развлечений и дискотек (не всегда трезвых), они пытались спасти дом. Только на новом месте он, обладающий особой значимостью, всё же музейный экспонат. В Радуни сейчас другое время, другое отношение к духовному наследию еврейского населения. И дом Хафеца Хаима, если бы был на прежнем месте, стал бы местом паломничества и поклонения. Но если бы...

Паломников каждый год много. Особенно в день смерти Хафеца Хаима – 24 элюля по еврейскому календарю (по григори-

анскому календарю приходится на разные даты, обычно в сентябре). Считается, что в этот день душа праведника присутствует у места его захоронения. Тех, кто находится здесь, ждёт исцеление или исполнение их просьб. Я отношусь к другой категории людей, но в следующем году в этот день постараюсь быть в Радуне. Хочу всё увидеть и прочувствовать на себе.

Особенно много паломников, по словам Андрея и Сергея, было в 2016, потом в 2022 году. Больше двухсот человек. Прилетали в Вильнюс из разных стран мира, добирались на машинах до Радунь. Весь световой день молились у могилы Хафеца Хаима. Располагались на небольшой отдых в той части здания бывшей иешивы, которая не была занята клубом, на зелёной лужайке вокруг него. К концу дня снова уезжали в Вильнюс. (До литовской границы 9 километров). Остановиться тогда в Радуне было негде.

В 2022 году 69 раввинов поздней ночью 21 января пересекли литовско-белорусскую границу. Длительный перелёт до Виль-

Восстановленное еврейское кладбище в Радуне.





Памятник Адаму Раговскому на еврейском кладбище в Радуне.

нюса, многочасовой автобусный трансфер и капризы погоды (мороз и снег) не стали преградой для них. Цель делегации – Радунь, священное место для иудея. Видел только на фотографиях прилетевших в тот день людей часто пожилого возраста, с бородами, в шляпах, и мороз пробежал по коже.

– На кладбище были? – спросил Саша. – Езжайте. За ним смотрит моя жена. Если будут вопросы, я её позову.

Еврейское кладбище в Радуне одно из старейших в Восточной Европе. Первые захоронения относятся к 1451 году. В 1940 году захоронения были прекращены. Почти половину тысячелетия кладбище было вечным домом для евреев Радун и соседних местечек.

Мало что сохранилось от кладбища. Время безжалостно. Но больше, чем время, безжалостными оказались люди. В годы войны немцы растаскивали мацевы для строительства оборонительных сооружений или увозили в Германию. А в послевоенные годы по кладбищу прошли бульдозерами. «Люди там

отдыхать стали. Ездили шашлыки жарить, место называли “жидки”. Мало кто осознавал трагедию», – вспоминают старые жители Радуни.

Отправились к могиле Хафеца Хаима. Её место определили после долгих поисков. Была заброшена, как и все остальные. Опрашивали местных жителей, сравнивали довоенные фотографии, изучали документы.

Сегодня на могиле поставлен просторный и светлый деревянный мавзолей (шатёр), который защищает место, а заодно и паломников от дождя, снега, ветра. На самом захоронении красивый памятник, постоянно горит свеча. Вдоль стен – столы с молитвенниками, стулья.

Первые сдвиги в восстановлении кладбища, в восстановлении исторической справедливости связаны с приездом сюда Адама Раговского. Довоенный житель Радуни, дом его родителей, большой кирпичный, до сих пор стоит на въезде в посёлок. До войны там был заезжий дом – небольшая гостиница, ресторан. После войны – милиция, сельский совет.

Тамара Моисеевна Бородач.



Адам 1923 года рождения. После 17 сентября 1939 года решил сходить к родственникам в Эйшишки. Это уже граница. Задержали и как шпиона судили. Отправили отбывать срок в Норильск. Это спасло его от расстрела в годы Холокоста. Всю войну был за Полярным кругом. Русскому языку учила репрессированная жена Косарева, тоже репрессированного 1-го секретаря ЦК комсомола. Уже после войны совершил побег из лагеря. Переход границы. Адам Раговский оказался в Англии. Содействовал нелегальной переправке евреев в Палестину ещё до образования Израиля.

Рассказывает Тамара Бородач – один из организаторов и первый руководитель еврейской общины Лиды 90-х годов. Сейчас

живёт в Израиле. Я созвонился с ней и попросил рассказать о благоустройстве еврейского кладбища.

– Начало 90-х годов. Звонок по телефону. Мужчина говорил по-русски с заметным акцентом. Так я познакомилась с Адамом Раговским. Вскоре он прилетел. Жил у нас дома полтора месяца, – рассказывает Тамара Моисеевна. – Сразу поехали в Радунь. Пришли на кладбище. У Адама испортилось настроение. Он сказал: «Здесь похоронена моя родня. Хочу наве-

Памятник жертвам Холокоста в Радунь.



сти порядок». Почти ежедневно ездил в Радунь. Нанимал местных жителей, они работали на кладбище. Вырубили кустарник, мелколесье, подняли сохранившиеся мацевы, проложили дорожки.

Однажды Адам Раговский сказал, что хочет быть похороненным здесь, рядом со своей роднёй. Даже получил разрешение от Вороновского райисполкома на захоронение как зарубежный гражданин. Поставили мацеву Адаму Раговскому, был выбит год рождения, но не было даты смерти. Семья не захотела, чтобы Адам был похоронен в Беларуси, и после его смерти похоронили в Израиле. Памятник так и стоит на кладбище. Адам очень хотел, чтобы его дети хоть раз приехали в Радунь, но у них не хватало времени.

Раговский сделал для Радунь многое. Поставил новый памятник жертвам Холокоста. Памятник на этом месте стоял с 1961 года тиражный – советский воин с автоматом. Адам пригласил архитектора, и установили другой памятник, также огородил территорию, на которой покоятся жертвы Холокоста.

Был человеком не жадным, но с принципами. Говорил: «Деньги в долг не даю». Его семья входила в попечительский совет Бер-Шевского университета. Он организовал поездку ки-



*Аркадий Шульман и Сергей Сачик
в Радунь на еврейском кладбище.*

ногруппы в Норильск – для съёмок фильма о местах, связанных с молодостью.

Кстати, кроме официальной уплаты за дом Хафеца Хаима его приверженцы обещали купить для Вороновской районной больницы оборудованную машину «скорой помощи». Но «забыли» о своём обещании. И машину купил для Вороновской больницы Адам Раговский. Потом шутил: «Такси не надо вызывать. У меня персональное, со всем оборудованием, в районной больнице».

– В нашей семье, – сказала Тамара Моисеевна, – Адам пользовался не только уважением, но и любовью. 17 лет назад он умер. Когда у моей дочки родился сын, его назвали в честь Раговского – Адамом.

Мы подошли к месту, где покоятся жертвы Холокоста – евреи Радунь и соседних местечек Довгелишек, Жырмун, Заболоти. Аккуратно выровненная площадка, памятник, ограда, перед ней длинное панно с фамилиями погибших. Восстановили не все фамилии, но и то, что сумели сделать, – огромный труд.

В ноябре 1941 года в оккупированной Радунь было создано гетто, в которое согнали 1834 еврея из местечка и ближайших населённых пунктов.

В мае 1942 года во многих гетто этого региона прошли акции уничтожения еврейского населения. Немцы окружили гетто Радунь. 10 мая забрали сотню мужчин и заставили их вырыть ямы. Во время работы узники, используя лопаты в качестве оружия, напали на полицейских, и семнадцати из заключённых удалось бежать. Организатором побега стал 28-летний коммунист кузнец Мейер Столяр.

Около тысячи евреев из гетто были конвоированы к вырытым ямам и расстреляны группа за группой. Но эти люди не шли безропотно на смерть. Многие пытались бежать. Трёхстам удалось спрятаться в лесах и крестьянских домах.

Те, кто избежал расстрела, добрались до пуши, где присоединились к партизанской бригаде имени Ленинского комсомола.

Её командир Станкевич Антон Васильевич спас жизни многим людям. Однако в лесу всё было далеко не однозначно.

В самом гетто осталось около трёхсот человек – ремесленников и членов их семей, нужных оккупантам для дальнейшей работы. Позднее их перевели в гетто Щучина, где они и погибли.

Из евреев Радунь и соседних местечек 32 человека пережили Холокост. После войны вернулись в свои дома, а потом большинство уехало в Израиль.

Наша поездка в Радунь подошла к концу, надо было возвращаться в Лиду, в общину на шаббат.

Когда книга готовилась к печати из Интернета узнал, что на аукционе на площадке «БУТБ-имущество» здание бывшей радуньской иешивы перешло к новому хозяину (им стал гражданин Израиля, имя которого не разглашается) за рекордную сумму 322 000 рублей, или 107 000 долларов. Причём лот был выкуплен уже в первый день торгов.

На обратном пути разговорились с Андреем Фишбайном. Знаю его много лет. Но обстоятельный разговор состоялся впервые.

– Я не из Лиды, я из Казахстана, – начал свой рассказ Андрей Геннадьевич. – Хотя отец мой родился в Лиде в 1947 году. Все его родственники по отцовской линии погибли в станиславском гетто на Западной Украине. Моего деда Асяса Израилевича Фишбайна родители ещё до войны отправили в Белоруссию. Он работал на железной дороге, был механиком, после войны восстанавливал Лиду. Женился на русской женщине.

Моя бабушка – Нина Ивановна Снопко. Дворянского рода. Из Ярцево Смоленской области. Их немцы гнали в Германию – бабушку и прабабушку, её маму. Эшелон остановился в Лиде на заправку. Узников выпустили на площадку перед вагонами. Один из железнодорожников, который осматривал колёсные пары вагонов, сказал, чтобы бежали в лес, пока немцы куда-то отлучи-

лись. Всю ночь они шли уходили от патрулей. Рано утром вышли к деревне Шейбаки. Сейчас это въезд в Лиду. Здесь их приютила польская семья. Впоследствии прабабушка Ольга Павловна вышла замуж за одного из сыновей хозяина дома.

В 1946 году моя бабушка познакомилась с моим дедушкой Асясом Израилевичем Фишбайном, и они создали семью. Родился мой отец.

Когда был призыв поднимать целину, дед с семьёй уехал. Я родился в 1970 году. Отец Геннадий Асясович Фишбайн – почётный шахтёр СССР, всю жизнь работал на шахте «Стахановская» в Караганде. Мои родители в 1989 году переехали из Караганды в Лиду. В 1990 году я из армии приехал в Лиду.

Сыновья работают в Минске, Гродно, дочь заканчивает школу.

Связи с еврейством у меня не было никакой. Когда в школе спрашивали, кто ты, я не знал, что ответить. Русский? Немец? Евреем осознал себя ближе к 18 годам. Мне намекнули, чтобы я маскировался.

Мой дед – один из первых членов Лидского еврейского сообщества. Они собирались без лишней огласки, проводили шabbаты. Приходили: отец Аси Саулкиной – Даниил Маркович Шапиро, отец Бориса Голубовича – Меир Израилевич, Големполь Давид Ефимович и другие.

Я у деда спрашивал про войну, а он никогда ничего не говорил. У всех мальчишек деды что-то рассказывали про войну, а мой говорил, что работал на железной дороге, и всё. По праздникам у нас иногда дома собирались люди, но я не знал, это еврейские праздники или не еврейские. Потом стал уже понимать.

Бабушка – православная. Традиции в семье переплетались. Дед не дожил до регистрации общины. Умер в 1993 году. Русская бабушка сразу же вступила в еврейскую общину. Ходила на шabbаты, соблюдала как могла традиции в память о деде.

Я в 2002 году надумал уехать в Израиль. Попросил у бабушки узнать, можно ли мне прийти в общину поинтересоваться, как и

что. Стал собирать и заполнять документы. Но потом не сложилось.

Уже самостоятельно попал в общину лет через восемь. У каждого свой путь. Интересовался литературой, и, наверное, появилась потребность: стал ходить на шabbаты, книги, журналы брать в общинной библиотеке. Как мог познакомился с Торой.

Председателем общины была Тамара Должанская. Она собралась уезжать

в Израиль. Были перевыборы. Община возрастная. Я – помоложе. Мне предложили стать председателем. Тяжеловато было на первых порах. Потом стал работать с грантами, фондами, Союзом еврейских общественных организаций и общин, общиной прогрессивного иудаизма. Гранты были направлены на то, чтобы с еврейской культурой знакомились и члены общины, и жители города. Мы их выполняли. Мне предложили переизбраться на второй срок, но я собирался переезжать в Минск, и избрали нового председателя – Татьяну Мелевич. Я остался в Лиде, помогаю Татьяне.

Вечером мы встретились у Андрея Фишбайна дома. Он известный коллекционер. Но говорить о коллекции, не видя её,



Андрей Фишбайн с фрагментом Торы из его коллекции иудаики.



*Еврейские часы из коллекции
Андрея Фишбайна.*

сложно. Коллекция большая и интересная.

– Коллекционированием занимаюсь 48 лет, – сказал Андрей Геннадьевич. – Собрание иудаики появилось у меня, когда стал членом еврейской общины. Ездил по разным мемориалам, музеям, посещал еврейские выставки. Видел предметы иудаики, интересовался их историей.

Первым предметом этого собрания стал дрейдл – ханукальный волчок, с которым дети играют во время праздника Ханука. Я нашёл его лич-

но. Тогда не знал, что это и как им пользуются. Стал знакомиться, изучать. Подружился с Вадимом Акопяном, он человек знающий тему, был директором еврейского музея в Минске. Спрашивал у него о том, чего не знал.

А когда выбрали председателем еврейской общины, люди стали рассказывать, у кого есть старинные книги, у кого что-то ещё хранится, они не знали, что с этими предметами делать. Что-то я выкупал, что-то приносили и отдавали. Появилась идея – создать в Лиде еврейский музей. Люди рассказывали, что много предметов еврейской старины они передали в Лидский историко-художественный музей. Но ничего там в экспозиции так и не увидели. Тема, вероятно, не интересовала работников музея. Я на протяжении многих лет пытался наладить с ними контакт, чтобы организовать выставку. Но кроме того, что сделали уголок художника по стеклу Мурахвера Владимира Семёновича, дальше не пошли.

Первый музей на Гродненщине, который заинтересовался этой темой, – Ивьевский музей национальных культур. В Ивье сегодня нет евреев, но решили, что еврейские вещи должны быть в экспозиции музея как отражение истории местечка. Часть предметов из своей коллекции отдал я, часть привезла из Израиля Тамара Бородач. Она сама из Ивья. Теперь там хорошая выставка по иудаике. Особый городок: мечеть, костёл, церковь...

Не теряю надежды на организацию экспозиции в Лиде. Думали, будет у общины свой дом – там разместим выставку, но пока не получается. Недавно моя коллекция пополнилась мацевой, которую мы привезли из Молодечно. Традиционная – в форме жернова. С сохранившейся эпитафией. Пока хранится у меня в гараже.

Надеюсь, что всё собранное увидят люди...

В пятницу в конце дня, как и положено, встречали субботу – отмечали шаббат. В Лиде это делают вместе городская еврей-

Шаббат в Лидской еврейской общине.



ская община и община прогрессивного иудаизма. Нечего да и некого там делить.

– Мы все мероприятия проводим вместе, – сказала председатель городской общины Татьяна Мелевич. – Цели одни, и нас не так много, чтобы ещё делиться. И с финансовой стороны так проще.

Собралось человек пятнадцать. У лидских евреев нет своего помещения. К сожалению, это одна из основных проблем. Собираются в помещении, которое арендует украинская община. У них две комнаты. На шabbаты и праздники одна становится еврейской. В день моего приезда – в большой комнате шabbат. В той, что поменьше, педагог обучал ученицу игре на аккордеоне.

Воспринимайте это с улыбкой или без – интернационализм в действии. Особенно, когда жизнь заставляет.

Вначале, как и положено, зажжение субботних свечей. Это сделала Татьяна Мелевич. Несколько кругообразных движений руками над пламенем, закрывают ладонями глаза, как бы заслоняясь от света, и все читают благословение:

– Барух ата Адо-най Эло-һэйну Мэлэх һаолам ашер кидшану бэмицвотав вэцивану леһадлик нэр шель шабат кодэш. Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь вселенной, освятивший нас заповедями Своими и заповедавший нам зажигать субботние свечи!

...И городская еврейская община, и община прогрессивного иудаизма появились в Лиде приблизительно в одно время и растут они, что называется, из одного корня.

Встреч у меня было много, информацию об истории новой общины я почерпнул из разговоров со многими людьми.

Но основной разговор на эту тему у меня был с Тамарой Моисеевной Бородач.

– Мы говорим, что новая еврейская община появилась в Лиде тридцать лет назад. Это так и не так, – сказала она. – Потому что еврейская община в Лиде никогда не исчезала. Она

не была официально зарегистрирована, но поддерживала еврейскую жизнь. После войны евреев осталось мало, но те, кто вернулся из армии, из партизан, из эвакуации встречались. Организатором был Моисей Поляков. 8 мая на месте расстрела лидских евреев собирались, Песах отмечали. Мацу привозили из Вильнюса. Лидские евреи 12 мая ездили в Ивье, там был траурный день – годовщина расстрела евреев. А евреи из Ивья 8 мая приезжали в Лиду. Инициатором этих поездок часто выступал Рубин Вульфович Кинкулькин. Он воевал, после войны жил в Москве. Приезжал к нам. Умер в Америке, дожил почти до ста лет. Мы называли его дядя Рубин, а дети – дедушка Рубин.

В 1989 году по приглашению Советского комитета ветеранов Великой Отечественной войны в Советский Союз приехала группа бывших партизан и участников Второй мировой войны из Израиля. Они были в Москве, Киеве, Минске, потом по программе – Вильнюс, и улететь должны были из Риги. В этой группе было пять человек из партизанского отряда Бельских из Ивья. Мы в Минске встретили группу, я на два дня увезла земляков в Ивье. Потом вернули их на двух машинах в Вильнюс.

Появились связи. Я побывала в 90-м году в Израиле как турист. Встретилась с родственниками, земляками. Приехала домой. Получила от папиной сестры Асны письмо на идиш. Прочитать сама не могла. Мне сказали, что в Лиде живёт Яков Двилянский, который поможет.

Рассказывает Белла Ароновна Двилянская:

– У мамы Миши Двилянского был день рождения. Мы пришли поздравить, торт купили. Это было 4 декабря 1990 года. Пришла в это же время женщина, высокая, в кожаном пальто. В Лиде только Мишин папа мог перевести письмо с идиша. Он знал его ещё с довоенных времён учёбы в школе. Стала она с Мишиным папой знакомиться. Он спрашивает: «Вы откуда?» – «Мои родственники из Вороново». – «Я из Вороново». – «А как ваша фа-

милия?» – «Бородач по мужу. Девичья – Кошчер». – «Моя мама Кошчер». Начали вспоминать общих знакомых. Выяснили, что они с Тамарой Бородач какие-то родственники.

Рассказывает Тамара Бородач:

– Рассматриваем фотографии в альбоме Якова Двилянского. Встреча на месте расстрела лидских евреев. 1975 год. Я стою рядом с Михаилом Двилянским. А познакомились с ним только в 90-м году.

Белла Двилянская продолжает рассказ:

– Вышли от Мишиных родителей. Пошли проводить Тамару Моисеевну. И с этого момента началась наша дружба. Когда мы шли по дороге – это было практически начало Лидской еврейской общины нового времени, хотя она по-прежнему оставалась не зарегистрированной. В ней собрались яркие личности: Шполянские, Ваксманы, Саулкины, Сумцовы и другие.

Михаил Яковлевич Двилянский продолжает рассказ:

– Тамара стала руководить светской общиной. Приехал в Лиду Яков Басин. Он тогда создавал в Беларуси общины прогрессивного иудаизма. Спросил у Тамары, кого бы она порекомендовала в Лиде на должность руководителя общины. Она посоветовала меня. Скоро тридцать лет, как я в Лиде с общиной прогрессивного иудаизма.

Вспоминает Белла Двилянская:

– Первый вопрос, который мы задали Басину: «Как проводить шаббаты?». Среди нас не было подготовленных людей. Яков Басин ответил: «Зажигаете две свечи, читаете молитвы, а потом говорите, о чём хотите. Главное, чтобы народ к вам приходил».

Вспоминает Ольга Степановна Шполянская:

– Люди приходили, особенно старшего поколения, которые выросли в традиционных еврейских семьях и помнили всё это. В Западной Беларуси еврейство было особенно сильное, и общинный уклад жизни сохранялся до 1939 года.

Рассказывает Михаил Двилянский:

– Когда говорили, что нужны списки, нужно расписаться, что ты член общины, – многие боялись. Думали, что потом «возьмут по этим спискам». Так это начиналось.

Рассказывает Тамара Бородач:

– В 1993 году американский режиссёр и продюсер Тамар Рогофф приступила к работе над «Ивьевским проектом». Представление, посвящённое довоенному еврейству маленького города Ивье, которое практически полностью погибло в годы Холокоста. Дедушка Тамар Рогофф из Ивья. Кстати, её дедушка и мой были соседями. Это один из первых совместных американо-белорусских проектов. Нужно было много документов, заверенных властями. Мы начали регистрацию Еврейского регионального мемориально-культурного общественного объединения.

В 1994 году общественная организация была зарегистрирована. Никогда не ограничивали участие в нашей работе по национальному признаку. Приходили люди, которым мероприятия были интересны. Центром стала средняя школа № 15, в которой я работала завучем. Сюда привозили и разгружали мацу, гуманитарную помощь. В школьной столовой прошёл первый пасхальный седер. В нём приняло участие 120 человек. Школьники ухаживали за мемориалом на месте расстрела лидских евреев.

Когда я услышал о маце в средней школе и о пасхальном седере в школьной столовой, я, естественно, спросил: «Как же отнёсся к этому директор школы?»

– Директор Александр Александрович Сокол отнёсся с пониманием, – ответила Тамара Моисеевна Бородач. – У нас была замечательная школа с интернациональным руководством: белорус, русский, украинец, еврей.

И хотя это к теме нашего разговора не относилось, но я слышал, с какой ностальгией и даже любовью Тамара Моисеевна вспоминает о школе, в которой работала.

Среди первых членов лидской еврейской общины непременно следует вспомнить тех, кто по разным причинам теперь или вовсе выбыл из её состава, или стал не столь активен:

Минина Елена – последний руководитель Хэсэда. Ёе муж Александр (умер в 2024) развозил помощь членам общины;

Виленик Наум – саксофонист, участник ансамбля «Шалом»;

Манский Михаил – активный член общины, помогал развозить посылки членам общины, ухаживал за захоронениями на кладбище, восстановил калитку на мемориале, когда её сняли и унесли;

семьи: Покидовы, Очеретянские, Сморгонские – дети ходили в воскресную школу, активные участники воскресников перед 8 мая по уборке территории мемориала.

Вайман Наталья – член общины, сейчас под патронажем Хэсэда. Состоит в нашей группе в Viber;

Векслеры – тоже в группе в Viber, следят за событиями, пишут. Из квартиры не выходят по состоянию здоровья;

Сморгонский Андрей – помогал пожилым людям овладеть навыками работы с компьютером.

...Заканчивался шаббат в лидской общине моим рассказом о журнале «Мишпоха».

Целей у поездки было много, одна из них – юбилейный тур журнала, которому исполнилось тридцать лет. Мне было приятно, что журнал читают и помнят прежние публикации о Лидской еврейской общине, мои прежние приезды и встречи, презентации.

Надеюсь, это не последняя наша встреча. Новые – впереди.

На этом мы завершили интересный шаббат.

Следующий день начался со встречи в семье старейшего члена общины Лазаря Львовича Хейфеца.

Еврейские общины в Беларуси «возрастные», особенно в небольших городах. Причин много. Репатриация людей молодого

и среднего поколения, и далеко не всегда они уезжали вместе с родителями. Зачастую люди старшего поколения сами не хотят сниматься с насиженных мест.

Люди «рабочего возраста», которые остаются в Беларуси, часто выбирают для дальнейшей жизни города покрупнее, где и работа получше, и зарплата повыше. Хотя надо сказать, что в этом отношении Лида как раз выгодный вариант.



Наталья Ефимовна и Лазарь Львович Хейфецы.

Лазарь Львович с 1937 года. Родился в Орше, отец – рабочий, сумел эвакуировать семью – троих детей, жену, мать – на Урал, сам остался с заводом. Догнал их спустя какое-то время и ушёл на фронт. В 43-м погиб под Ленинградом. После войны семья вернулась в Оршу. Трудное время. Дети с ранних лет поняли, что рассчитывать должны на себя.

Лазарь Львович поступил учиться в Горецкую сельскохозяйственную академию на землеустроительный факультет. Потом была Лида. Директор курсов геодезистов-строителей. Здесь познакомился с будущей женой. Здесь обосновался прочно и окончательно.

Его жена Наталья Ефимовна Хейфец – суперактивный человек. Она из Гомеля и в Лиде тоже оказалась по направлению после окончания дорожного техникума. Инженер-строитель, инженер по труду и зарплате.

В еврейскую общину пришли одними из первых, как только она организовалась. Лазарь Львович стал на общественных началах библиотекарем. Быстро собралось много интересных книг и журналов, связанных с историей и традициями еврейского народа, с Израилем. Приходило много людей. Не только читали, но и коллективно обсуждали книги, статьи. Для некоторых это было первое знакомство с еврейством. Очень жаль, что библиотеки сегодня в лидской общине как таковой нет из-за того, что у общины нет своего помещения.

Лазарь Львович, с юности увлекавшийся фотографией, стал фотолетописцем общины. Дома у Хейфцев хранятся фотоальбомы с его фотографиями. Гостей из разных стран в первые годы было много. Хейфецы фотографировали, вели летопись. Если когда-нибудь будет хотя бы небольшой музей, фотолетопись займёт там почётное место. Денег у общины никогда особенно не было, и фотографии наклеивали в альбомы для дипломных работ.

Наталья Ефимовна всё время участвовала в нашем разговоре. По-другому я не представляю себе эту семью.

– С самых первых дней образования Хэсэда я была на протяжении восьми лет его бухгалтером, – рассказала Наталья Ефимовна. – Как собирали людей? Кого-то знали лично, кто-то узнал о нас через знакомых, родственников. Брали с первым директором Хэсэда Майей Григорьевной Сумцовой телефонные книги и обзванивали людей, чьи фамилии звучали как еврейские. Разные случаи были.

В самом начале двухтысячных на учёте в Хэсэде было 70 человек, а в общине около двухсот – евреи, члены семей.

У Натальи Ефимовны хранится интересная статистика, она вела учёт по разным направлениям. За эти годы за границу уехало 96 членов общины, в мир иной ушло почти 100.

– Конечно, появляются новые люди, – говорит Наталья Ефимовна, – но...

И я понимаю, что скрыто за этими недоговорёнными словами.

– Интересная была жизнь: обязательно шаббаты, отмечали все праздники. На Шавуот приносили в кадках растения, саженцы (почти у всех есть дачные участки) и дарили их Дому культуры. В его помещениях мы часто собирались и собираемся до сих пор. На Пурим устраивали карнавалы. Выпускали стенгазеты с нашими «майсами». Кроме известного музыкального коллектива «Шалом» у нас была группа «Симпатия», и мы пели песни на идиш.

– Времена, конечно, изменились. Но мы не собираемся сидеть по домам, – рассказывает Наталья Ефимовна. – Недавно нам с Лазарем Львовичем сделали хупу. После 62 лет совместной жизни. Благодаря общине прогрессивного иудаизма и раввину Григорию Абрамовичу.

Дети, внуки, правнуки. Живут в Беларуси и Германии. Семейная профессия – геодезисты. Внук Николай ходил в воскресную школу. У него был бар-мицва...

Жизнь продолжается...

Когда-то Лида была большим еврейским центром. По данным Российской еврейской энциклопедии, «В 1910 году в Лиде действовало 20 синагог (в т. ч. хасидские), еврейское кладбище, была талмуд-тора, начальное казённое еврейское мужское училище, 2 частных женских училища и иешива, в 1913 году существовала еврейская больница. В 1914 – евреям принадлежали аптека, 6 аптечных складов, 10 гостиниц и ресторанов, 2 булочные, 3 книжных магазина, единств. парикмахерская, единств. прачечная, часовая мастерская, все 3 ювелирных магазина и 136 различных лавок и магазинов».

Не знаю, как сейчас по части бизнеса, сколько в нём задей-

ствовано евреев, но из перечисленных еврейских объектов остались только воспоминания о кладбище.

Мы приехали к тому месту, где оно находилось.

Озеро, вернее, искусственный водоём. Красиво. Мелкая рябь на воде. Чайки летают. Мама с маленькими детьми кормят птиц хлебными крошками. Стой и любуйся.

Правда, настроение меняется, когда узнаёшь, что под водой – фантастические пейзажи (Голливуд: фильм то ли ужасов, то ли о бренности мира): стоят мацевы – надгробные памятники с еврейскими письменами.

Теперь к истории и реалиям. На большом камне, установленном на берегу в центре сквера, магиндовид и текст на белорусском языке о том, что на этом месте с конца XVI века находилось еврейское кладбище, на котором захоронения производились до 1941 года.

Судя по историческим данным, это было единственное еврейское кладбище в Лиде. Значит, первые захоронения на нём были сделаны, когда здесь поселились евреи. Берусь утверждать, что кладбище старше конца XVI века.

Оно является немым свидетелем многовековой истории евреев города. Помнило времена Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, Российской империи, Польши, Советского Союза... Помнило, когда евреям короли и правители давали новые права, например, строить синагогу. Правда, она не должна была быть выше костёлов и церковей. Евреи обязаны помнить, что они не ровня христианам. И правители напоминали об этом. Помнило кладбище погром, устроенный польскими солдатами 17 апреля 1919 года. Погибли 39 евреев и похоронены были на этом кладбище.

Здесь нашли вечный приют кто-то из семейства Пупко – владельцы завода по производству лидского пива, кто-то из семейства владельцев крупной обувной фабрики «Ордадь». Кстати, «ордадь» в переводе с еврейского означает «калоша».

Может, если бы история сделала другой зигзаг, ко многим семейным склепам сегодня приходили бы наследники, потомки, а может, туристы.

На кладбище похоронены раввины и мудрецы Торы, многодетные отцы и заботливые матери, но больше всего – сапожники, портные, стекольщики, столяры, извозчики, кузнецы. Те, кто зарабатывал копейку в поте лица.

Бульдозеры и тракторы снесли надгробия, сравняли территорию. Произошло это в конце 60-х годов прошлого века. Я спрашивал у людей, которые имели отношение к застройке города. Мне рассказывали, что согласно генплану, кладбище должно было быть снесено и на этом месте построен микрорайон...

Когда-то кладбище было на городской окраине. Лида росла, и кладбище оказалось чуть ли не в центре. Мёртвые мешали живым. Так часто бывает. Только решается эта проблема по-разному. Даётся большое время для перезахоронения усопших, снимаются надгробные памятники – продумывается, как их использовать, чтобы послужили истории, а не валялись бесхозными.

Рассказывают, что в Лиде было какое-то нетерпение властей. На старом кладбище собирались плохие компании, совершались преступления. Власти решили одним росчерком пера покончить со всем, что мешало жить...

«Когда сносили кладбище и на землю поднимали останки, евреи, конечно, противились этому, но решение городских властей было принято и ничего нельзя было сделать, – рассказывает Лазарь Львович Хейфец, который в то время работал в отделе капитального строительства на комбинате “Лакокраска” и был связан с городской архитектурой. – Бывал на раскопках. Когда началось строительство жилого дома, находили кости. Надгробия разбирали кто хотел и увозил куда хотел».

Говорят, у риелторов возникают проблемы, когда речь идёт о квартирах в многоэтажных домах, построенных на месте кладбища.

Забор детского садика подпирает неубранная мацева. Интересно, что воспитатели говорят по этому поводу детям?

На маленькой речке поставили плотину, уровень воды серьёзно поднялся, и получилось озеро, даже два – через железную дорогу.

Куда людям деть память? Старшее поколение помнит о кладбище, которого нет уже шестьдесят лет. В каждой семье коренных лидских евреев (и не только евреев) есть свои истории, связанные с ним.

Борис Меерович Голубович, много сделавший для лидской общины, рассказывал мне, что его отец хотел найти могилу своего отца, чтобы перезахоронить его, но во время сноса кладбища не сумел сделать этого.

Однажды Ольге Степановне Шполянской позвонили знакомые и сказали, что возле детского сада лежит камень со странными буквами. На месте старого еврейского кладбища. Она поняла – это мацева. Мужчины общины перевезли его к третьему памятнику, где захоронены расстрелянные евреи. Туда же через некоторое время отвезли ещё один камень, который обнаружил сосед Шполянских на территории завода, где он работал. Тайно вывез бульдозером в свой гараж, а позже, опять же при участии мужчин общины, его установили у мемориала. Сделали это поздно вечером. Стали выгружать мацевы у мемориала, смотрят, здесь же остановился микроавтобус, из него вышли люди и стали подходить к ним. Оказалось израильтяне. Они спросили у людей, где увидеть евреев? Им показали на мемориал. А здесь мы. Познакомились. Израильтяне помогли нам разгрузить мацевы. Такая встреча.

Сергей Сачик и Андрей Фишбайн показывали мне территорию старого еврейского кладбища. К домам прокладывали какие-то коммуникации, были вырыты траншеи. Мы шли вдоль траншей, и Сергей увидел плоскую чёрную плиту. Перевернул её – мацева. Решили на следующий день отвезти к мемориалу. Приехали, внимательно осмотрели территорию и нашли ещё

четыре. А потом к ним подошёл местный житель и сказал, что у него в гараже тоже лежат надгробные памятники с этой же территории. Сейчас они находятся у мемориала.

Пятьсот лет евреи жили и живут в Лиде (возможно, больше). Интересно, сколько лет различные находки, являясь свидетелями прошлой жизни, будут напоминать об этом?

Заехали за Татьяной Мелевич и отправились по маршруту Новогрудок – Белица – Желудок.

Снова дорога... Есть возможность поговорить. Тем более, распланировали столько, что надо было беречь каждый час.

Мы устроились на заднем сидении. Татьяну я знаю уже несколько лет. Встречались на координационных советах еврейской общины Беларуси, на различных мероприятиях, но такой обстоятельный разговор у нас впервые.

– Я из Лиды, родилась и выросла здесь, – рассказывает Татьяна. – По специальности преподаватель начальных классов, истории и обществоведения.

*Татьяна Мелевич в Новогрудке у мемориальной стены
в Музее еврейского сопротивления*



В 2007 году у меня родилась третья дочка, годика четыре ей исполнилось, я отправила детей в воскресную школу. Потом пришла в общину сама, это было 15 лет назад. Меня подтолкнула тётя, она сама в Израиль уехала, приезжала в Лиду каждый год. Моя бабушка, её мама, жила с нами. Моя мама с отцом её досматривали. Она сначала бабушку определила в общину, потом маму записала, а потом мне: «Иди, иди». И как-то я набралась смелости и пошла на шаббат. Приходила на шаббаты, праздники. С тех пор стала ходить постоянно. Потом Бэла Демидова, она была директором школы, пригласила меня преподавать историю, а когда она собралась уходить на пенсию, предложила мне её место. Я стала директором воскресной школы в 2013 году.

По сравнению с теперешними воскресными кружками при еврейской общине, тогда было больше детей. Некоторые из них уехали, другие поступили учиться в другие города.

У нас и тогда не было своего класса, мы занимались в Доме культуры, приходили в пустой зал на первом этаже или в помещение на втором этаже, которое было расписано Михаилу Двилянскому. Там хранились наши учебные материалы, а мы занимались то этажом ниже, то этажом выше.

Из предметов были история и традиции еврейского народа и традиции, музыка, танцы, творчество. У нас сейчас тоже четыре предмета. Анна Филлипенко работает с того времени, профессиональный педагог, занималась дополнительным образованием, работала в детском саду. Я тогда вела историю и традиции. Анна – музыку и танцы. Елена Пелеса, дочь члена нашей общины Марии Рыфтиной, вела иврит, потом она уехала в Израиль. Сейчас после прохождения onLain курсов при Израильском культурном центре в Минске я веду предмет «основы иврита».

Сейчас по списку в воскресной школе девять детей. Ученики 9-10-11 классов, готовятся к поступлению, к дальнейшей учёбе. Они приходят на праздники, либо в лагеря ездят, на шаббаты приезжают. Ходят на занятия те, кто поменьше. Всегда стараем-

ся детям на праздники собрать подарки: и тем, кто смог прийти, и тем, кто не смог – чтобы чувствовали, что он их не забывают.

Детей привлекают занятия, которые ведёт Татьяна Черных – они занимаются декоративно-прикладным творчеством. На праздники готовят различные выставки. Восьмого Мая, когда мы идём на мемориал почтить память расстрелянных евреев Лиды, приносят самодельные цветы.

В Лидской еврейской общине председатели – это выборная должность – периодически меняются. Либо уезжают, либо передают это хлопотное место более молодым людям, сами оставаясь в общине и по мере надобности помогая вновь избранному. Татьяну Мелевич переизбирали уже несколько раз. Значит, получается, есть доверие.

– Председателем общины стала в 2015 году. Предыдущий председатель Андрей Фишбайн подошёл ко мне и говорит: «Я собираюсь в Минск переезжать. Нужен новый председатель. Я тебя порекомендую. Объясню, помогу». Я согласилась.

Сегодня в общине по списку 65 человек. Есть немало пожилых людей с ограниченными возможностями передвижения. Реально приходит на наши мероприятия человек 25. На большие праздники приходит больше людей разных возрастов.

В общине работает кружки выходного дня, ансамбль еврейской народной музыки «Шалом». Отмечаем праздники, шаббаты вместе с общиной прогрессивного иудаизма.

Нам помогают Союз Белорусских общественных объединений и общин. Есть программа «Малые общины». Активно участвуем. Совершаем поездки в другие города. Пожилые люди далеко ехать не могут. Поэтому самое реальное – Гродно. Сотрудничаем с ними.

Регулярно производим покос травы у мемориала, делаем уборку территории.

Восьмого мая, в годовщину расстрела лидских евреев, и двадцать седьмого января, в Международный день памяти жертв Хо-

локоста, мы собираемся там почтить память погибших в годы войны. Приходят школьники из соседней школы. Приезжают из Минска Борис Меерович Голубович и вся его семья, он сам из Лиды, и активно помогает нам.

Кружки выходного дня при еврейской общине всегда занимали в еврейской жизни Лиды центральное место. Понятно, что дети – это наше будущее, наша любовь, наша надежда. Но еще, наверное, связано с тем, что в общине, когда она складывалась было много педагогов.

Ольга Степановна Шполянская вместе с мужем Владимиром Ильичом одними из первых пришли в общину. Ольга Степановна – учитель испанского языка. Самостоятельно изучила иврит и стала преподавать его в воскресной школе. А через год, в 1996 году, когда директор школы Ирина Сумцова уехала из Беларуси сначала в Санкт-Петербург, а затем в Голландию, заняла её место.

– К нам ходили тогда 25 детей разного возраста. Я и свои уроки готовила, и готовила учителей. Мы намечали темы занятий, и я многое рассказывала педагогам. Ездила на семинары, слушала лекции. Было много литературы. Мне самой это было интересно.

Были предметы: география Израиля, история еврейского народа и Израиля, иврит, и даже о Торе мы рассказывали. Естественно, это было популярное изложение.

Наши выпускники первых лет сегодня живут и работают в разных городах и странах: Беларусь, Израиль, Голландия, США.

У активного члена общины Ваксмана два сына. Младший ходил к нам в школу. Очень любознательный мальчик. Потом он поехал учиться в Пинскую еврейскую школу. Пинские педагоги говорили нам, что у него хорошая подготовка по еврейскому языку, традициям, культуре. К нам в школу приезжали гости из разных стран и тоже хорошо оценивали нашу работу. Директором школы я проработала 10 лет.

Знания остались, и я стараюсь, чтобы они не пропадали. На шаббатах провожу беседы. Провожу «тёплые дома». Собираются по десять человек. Рассказываю то, что им интересно по еврейской тематике.

Муж мой военный, демобилизованный подполковник. Участвовал во всех мероприятиях общины. Пел в хоре, любил

шуточные песни. Хорошо танцевал. Помогал мне в воскресной школе. А были случаи, когда я заболела, он подменял меня, также вёл кружок по изучению компьютерной грамотности, на шаббатах рассказывал о ситуации в Израиле.

Наша дочь живёт в Подмоскowie. Она подполковник МВД в запасе. Сейчас преподаёт физику в суворовском училище. А её дочь – наша внучка – закончила МГУ, политолог, потом переключилась на промышленный дизайн. По отцу её фамилия Бененсон. Она неплохо пела. И во время концерта ведущий объявлял: «Кира Бененсон “Валенки”».



Ольга Степановна Шполянская.

Город Лида хорошо знаком с военными, которые служили здесь в различных частях. Естественно, приезжали семьями. И если у кого-то было желание приобщиться к еврейской общине – приходили на праздники, шabbаты. А потом становились членами общины.

Полина Захаровна Ревина родилась в городе Лельчицы Гомельской области. К началу войны ей было 13 лет. Мама Клара и отец Зельдик Рэхтманы стали подпольщиками. Маму немцы схватили при передаче оружия из партизанского отряда, пытали, потом расстреляли. Отца не расстреляли: немцы оставили в живых 13 человек мастеровых. Зельдик был портным. Всем им удалось бежать в лес, где уже был партизанский отряд: жители бежали семьями от зверств фашистов. Туда же попала и Полина. Её сначала скрывали соседи, потом помогли переправиться в лес.

Вскоре этот партизанский отряд влился в бригаду Сидора Ковпака, которая создавалась на основе объединения разрозненных отрядов партизан. Рейд осуществлялся по тылам немцев, нанося им большой урон. Полина выполняла в бригаде разную работу: штопала одежду, помогала готовить пищу, ухаживала за ранеными, даже научилась стрелять из автомата. Она удивляла бойцов-партизан своей выносливостью, терпением, мужеством. От Поли никто не слышал жалоб, не видели слёз, даже когда она в одном из боёв получила тяжёлое ранение. Её перебросили самолётом в Москву. В госпитале ей пришлось вытерпеть тяжёлые операции, длительное лечение.

До войны Поля закончила 3 класса. Надо было продолжать учиться, получать специальность токаря в профтехническом железнодорожном училище. Поле подставляли большой ящик, чтобы она доставала до станка. Её будущий муж Николай Иванович Ревин вспоминал, что увидел Полю с тяжёлой сумкой с учебниками, с палочкой, с трудом перебиравшуюся через железнодорожные рельсы, «и такая жалость взяла!». Коля стал часто

проводить Полинку. Потом его призвали в армию, между ними завязалась переписка. Коля перед уходом в армию случайно подслушал разговор врачей, разглядывавших снимок её ноги. Речь шла о вероятной ампутации... Очень переживал, когда получил от неё письмо: «Выписываюсь с большими дефектами. Больше не хочу, чтобы нас что-то связывало. Не обижайся. От души желаю найти своё счастье. Ты навсегда останешься моим лучшим другом. Спасибо тебе за всё!»

Полина уедет к найденной в Белоруссии тёте, не сообщив Коле свой адрес в Житковичах, но он найдёт её. Коля признался, что готов был жениться на ней, даже если бы у неё была ампутирована нога. Расписались они в сентябре 1945 года. Проживут больше 60-ти лет в большой любви, заботе друг о друге, уважении, помощи.

Николай Иванович был офицером. Семья переезжала с одного гарнизона в другой. Полина Захаровна работала в библиотеках, была председателем женсовета. Она говорила: «Я держусь исключительно на собственном оптимизме и силе духа». И всегда с гордостью ощущала себя победительницей. Говорила: «Тех, которые хотели меня уничтожить, нет. А я жива!»

В Лиду Ревины переехали, когда Николай Иванович демобилизовался, чтобы быть ближе к старшему сыну Евгению. И вскоре стали членами Лидской еврейской общины: посещали шabatы, праздники, различные мероприятия. Иногда выступали – красиво пели дуэтом. В городе Лиде до сих пор Полину Захаровну помнят на трибунах во время празднования Дня Победы над фашистами, при возложении венков на Кургане славы, на мемориале расстрелянных евреев, около памятника погибшим афганцам. В музеях, библиотеках она часто выступала с рассказами о зверствах фашистов, о борьбе партизан против них. Очень часто бывала в школах. Старалась привить детям чувство ненависти к фашизму. В таких случаях она одевала свои награды – орден Отечественной войны второй степени, медали. Везде её

сопровождал муж Николай Иванович. Полина Захаровна была всегда окружена вниманием и заботой мужа, детей. В комнатах часто было много цветов и от них, и от друзей. Николай Иванович на 85-летие спел свою любимую песню: «Ты ещё милее кажешься в этом синем платице...»

Умерла Полина Захаровна Ревина в 2015 году.

О сыновьях. Старший, Евгений, – профессиональный переводчик, свободно владеет несколькими языками, работал за рубежом. Проживает с семьёй в Бресте.

Младший сын, Владимир, живёт в Минске. Был офицером, прошёл афганскую войну, имеет ранения. Награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», награды Афганистана.

Бэлу Демидову впервые пригласила в общину ещё Тамара Бородач, в первые годы работы еврейского общества. «Наверное, она думала, что я еврейка, – сказала Бэла Алексеевна. – Я ответила, что она заблуждается». «Многие об этом не знают, – сказала Тамара Моисеевна. – Действительно, у меня дома, когда касалось этого вопроса, что-то постоянно не договаривали, скрывали».

– Эта встреча изменила мою жизнь. Я с дочерью Наташей, зятем и сватами побывала на первом празднике Песах в Лиде, тогда он ещё проходил в средней школе № 15, где Тамара Моисеевна работала завучем.

В Лиде мы живём с 1980 года. Муж был военный. Перевели его сюда с Забайкалья, из Читинской области. Демобилизовался в звании майора. Я учитель истории. Но в Лиде работала в разных местах: воспитатель в общежитии, была директором Дома торжеств, потом директором ресторана. Организаторские способности у меня были.

Пять лет как мужа нет среди нас.

В 1998 году член нашей общины Ваксман предложил мне стать учителем истории в еврейской воскресной школе.



*Бэла Демидова на одном из первых заседаний общины.
Ведёт заседание Тамара Бородач.*

Я понимала, что нужны новые знания. Семь лет училась в институте иудаизма у раввина Штейнзальца. Два-три раза в год бывала на сессиях в Москве. Проводила в Лиде беседы по Торе, Танаху.

Когда директор воскресной школы Должанская репатриировалась в Израиль, она сказала мне: «Будешь директором воскресной школы». Я сначала отказывалась, но потом... согласилась. И до 2015 года три учебных сезона была директором, преподавала историю и иврит. Иврит я специально изучала в течение трёх лет. Мне нравится этот язык.

Я постоянно бываю в общине, провожу беседы перед праздниками. Рассказываю об истории еврейского народа, традициях.

Мой внук Илья семь лет назад уехал из Ростова на постоянное место жительства в Израиль.

Приехали в Новогрудок. На мой взгляд, один из самых красивых небольших городов Гродненщины. На центральной площади уютная «Кофейня». Зашли попить кофе – и выходить не хотелось.



Мы приехали в Музей еврейского сопротивления.

О дерзком побеге узников Новоградского гетто я знаю с тех пор, когда здесь был открыт этот музей.

Собирался приехать, написать материал для журнала «Мишпоха», а потом, когда Дональд Трамп в первый раз стал президентом США, мне предлагали сделать сценарий фильма об этом уникальном подвиге. В побеге участвовали свояки Трампа, и это, конечно, привлекало внимание. В 1943 году в Новоградке был совершён самый массовый побег узников гетто в годы Второй мировой войны. Съёмочная группа была готова, но обстоятельства сложились не в нашу пользу.

Спустя почти 8 лет я в Новоградке. С нами работник Новоградского историко-краеведческого музея. Музей еврейского сопротивления – одно из подразделений этой организации. Он открыт, когда есть желающие познакомиться с экспозицией. Приезжают экскурсионные группы, приходят люди, которые интересуются темой. И тех и других немало, особенно в летнее время. Музей принимает свыше 7 тысяч посетителей в год из разных городов и стран.

Новогрудок расположен на холмах, причём перепады высот достаточно серьёзные. Город сохранил старую архитектуру. Как будто время залюбовалось красотой ландшафта и никуда не торопится.

Это так и не так. Довоенный Новогрудок и сегодняшний – города совершенно разные. В том числе и по своему национальному составу. До войны на территории Новогрудского района проживало более 6 тысяч евреев, после окончания — несколько десятков. Сегодня – ни одного, если кто-то не скрывает свою национальность.

Экспозиция Музея еврейского сопротивления появилась в июле 2007 года благодаря инициативе Джека Кагана. После войны он гражданин Великобритании. Единственный, кто остался живым из всей семьи. Хотел поставить памятники родственникам, которые погибли здесь. Его мать и сестру расстреляли недалеко от барака, где был выкопан туннель.

Долгие годы создатели музея шаг за шагом восстанавливали историю еврейского сопротивления в Новогрудке. Надо вспомнить тогдашнего директора историко-краеведческого музея в Новогрудке Тамару Григорьевну Вершицкую. Позже к работе подключились узники гетто и их родные.

Экспозиция размещена в бывшем бараке, в котором находилось еврейское гетто. Восстановлен интерьер, сделана реконструкция входа в туннель. Установлены имена, и собирается информация обо всех узниках, совершивших побег.

Фотографии братьев Бельских организовавших и возглавивших еврейский партизанский отряд. В июне 1942 года начал боевые действия самый многочисленный еврейский партизанский отряд на территории оккупированной Европы. Командир отряда Тувия Бельский, уроженец деревни Станкевичи на Новогрудчине, принимал в отряд всех – молодёжь, стариков, детей – людей, хотевших воевать, и тех, кто был не способен взять в руки оружие, всем предоставляя шанс спастись. В условиях войны,

когда человеческая жизнь, а тем более жизнь еврея, ничего не стоила, спасение одной жизни он называл главной целью. Она отличала отряд Бельского не только в партизанском движении в Беларуси, но и в еврейском сопротивлении всей Европы. За годы войны через отряд Бельского прошло более 1300 человек.

Благодаря тому, что отряд Бельского действовал в лесах, находившихся недалеко от гетто, и был совершён побег. Один из братьев Бельских, скорее всего – младший Арон, рискуя жизнью, принимал в гетто и настраивал людей на побег. У узников зарождалось чувство, что у них есть шанс.

В одной из комнат музея находится детальный макет лагеря. На территории не было ни одного дерева, ни одной птицы или кошки. «Если бы они были, их бы съели сразу», – сказал Джек (Идель) Каган. (В Новогрудке его звали Идель, в Великобритании он стал Джеком. Чтобы не путаться, в дальнейшем мы будем называть его привычным для него именем Джек).

Бывший жилой барак лагеря находился в одноэтажном кирпичном здании, в котором до войны были конюшни и различные мастерские. Летом 1942 года сюда перевели 500-600 специалистов из гетто на Пересеке. Они заняли всё здание. В двух комнатах площадью 13 квадратных метров размещалось по 22 человека. Были сделаны трехуровневые нары (65-70 см на человека), чтобы разместить всех узников.

Реконструкция интерьера основана на рисунках и описании Джека Кагана, которому на момент побега было 14 лет.

Отец Джека – Янкель Каган был сапожником. Он со своей женой, сыном, дочерью и старшим сыном Моше Берлом пережили первую акцию расстрелов. Все были в гетто на Пересеке, откуда Берл сбежал в лес и вступил в партизанский отряд Бельских. Янкель был выбран среди пятисот лучших специалистов и переведён в новое гетто, находившееся около здания суда, вместе со своей семьёй. Джек пробовал бежать, оставив отца, мать и сестру в гетто.

22 декабря 1942 года ворота гетто были открыты для грузовиков, которые привозили сырьё для мастерских. Было очень холодно. Джек надел новые валенки, которые его отец выпросил у начальника мастерской, ослабил повязку с жёлтой звездой и номером. Подходя ближе к воротам, он сорвал её. Охранников не было видно. Не оглядываясь, Джек вышел через открытые ворота, перешёл улицу и вошёл в маленький лесок, где его ждали несколько ребят. Собралось 14 человек. Они решили, когда стемнеет, начать продвигаться вдоль городских окраин. Встреча с партизанами была запланирована на полночь. Было тяжело идти из-за мягкого снега, иногда доходившего по пояс. Нужно было пройти 8 километров. Беглецы достигли маленькой речки Бретьянки. Когда ступили на лёд, он неожиданно треснул, и почти все оказались в воде. Джек оказался в худшей ситуации. Его войлочные ботинки намокли и в придачу к этому на них начал налипать снег. Каждый шаг становился всё тяжелее. Они опоздали на место сбора. Партизаны уже ушли. Следующая встреча должна была состояться через три ночи. Беглецы решили дожидаться их возле дома Бобровских в небольшом лесу. Вскоре Джек почувствовал, что он проваливается в сон, и понял: если уснёт, это будет навсегда. Он решил вернуться обратно в лагерь, иначе замёрзнет насмерть.

Выйдя на дорогу, Джек увидел крестьянина на санях и незаметно зацепился за их край. Когда сани подъехали к трудовому лагерю, он скатился с них и пошёл к колодцу. Там ждал заключённых, которых привели за водой. Было ужасно холодно. Но охранники, закутанные в тёплую одежду с ног до головы, не заметили, как Джек смешался с толпой и зашёл в лагерь. Его отец не смог снять валенки с ног сына – они примёрзли. Ему пришлось разрезать их ножом. Пальцы на ногах Джека почернели из-за обморожения.

В гетто был дантист, который сказал, что нужно подождать, пока пальцы не начнут гнить. В гетто не было лекарств и

инструментов, кроме хирургических щипцов для удаления зубов. Поэтому, когда началась гангрена несколькими днями позднее, дантист ампутировал пальцы Джека простыми щипцами без анестезии. Джек выжил, снова научился ходить и в дальнейшем удачно прополз по многометровому туннелю под землёй. Он встретил окончание войны в отряде Бельских, а после войны обосновался в Лондоне.

За время существования Новогрудского гетто фашисты совершили четыре массовых расстрела узников, жертвами которых стали около 6000 евреев. Последний случился 7 мая 1943 года. Половину узников расстреляли на виду у тех, кого оставили в живых. Они были последними евреями в городе и следующими в очереди на расстрел. Понимая, что надеяться больше не на что и не на кого, узники задумали побег.

В числе тех, кого расстреляли, была жена Зейделя Наума Кушнера – Хинда, его племянница Тамара, жена и сын брата. Жертв заставили лечь лицом вниз, брали по десять человек, расстреливали и бросали в яму. Те, кто был в гетто, видели расправу.

Зейдель Наум Кушнер видел, как расстреляли его жену и других. В тот день были расстреляны 250 женщин и 45 мужчин, не считая детей.

Не знаем, рассказал ли об этом Зейдель Наум своим дочерям Лее, Рае и сыну Ханану. Но вскоре они узнали об этом.

Кушнеры были скорняками в Новогрудке. С 1921 по 1939 год город был воеводским центром Второй Речи Посполитой. Их красивый кирпичный дом находился на Рыночной площади в самом центре города. Зейдель Наум Кушнер владел мастерской, где они изготавливали меховые шапки и шляпы, а также двумя магазинами на рынке. В семье было четверо детей – три дочери и сын Ханан. Старшая дочь Эстер окончила университет, младшие учились в частной школе.

В декабре 1941 года, во время первой акции расстрела, Кушнеры потеряли старшую дочь. Зейдель Кушнер, его жена Хинда,

две дочери и сын оказались в гетто на Пересеке. В начале августа 1942 года их перевели в трудовой лагерь на улице Кореличской. Сын Ханан был одним из 50-ти молодых евреев, которые копали туннель.

От музейных комнат, в которых размещена экспозиция, до лаза, по которому выходили из туннеля, – более 200 метров. Наверху по земле насыпана дорожка из гравия, обозначающая этот путь.

Там, где заканчивается туннель, размещена экспозиция про историю побега, рассказанную её участниками. Фотографии и воспоминания: Зейделя Наума Кушнера, Хаима Лейбовича, Сарры Якубович, Джека Кагана, Лейбы Пинчука, Элияху Берковича, Батьи Рабинович, Шауля Городинского, Мордехая Мордуховича, Моше Нигневицкого, Велвела Боровского, Раи Кушнер, Даниэля Осташинского, Фани Дунец.

...Начало мая 1943 года. 232 еврея остались в гетто. Невозможно сегодня предположить, о чём они думали, как рассуждали, но попробуем выстроить хронологию побега.

Могут убить 100 или 200 человек, но кто-то обязан уцелеть, чтобы рассказать миру, что произошло. Спорили, кто-то отмалчивался, надеясь, что в одиночку будет легче спастись. Были разные предложения. Первым идею побега через выкопанный туннель озвучил сапожник Рахмиэль. Идея была сказочная, фантастическая. Но люди, понимавшие, что они обречены на смерть, готовы были на всё. Правда, в начале всего 12 человек поддержали эту идею.

В течение трёх дней было одобрено предложение прокопать туннель. Берл Йоселевич был назначен техническим руководителем. Структурное руководство осуществлял Исаак Дворецкий. В руководящий комитет вошли Шлёма Якубович и Даниэль Осташинский.

Вскоре и большинство других узников решили участвовать в побеге.

Надо подчеркнуть единство евреев в Новогрудском гетто. Юденрат и еврейская полиция были частью сопротивления, это сыграло свою роль в успехе предприятия. Например, Салэк Якубович, начальник полиции, отвечал за назначение тех, кто копал туннель, и за людей, которые добывали для них дополнительную еду.

Незадолго до побега заключённые несколько раз перерезали кабель освещения вышек охраны, чтобы приучить немцев к постоянным неполадкам и отвлечь их внимание от территории гетто.

Было решено копать туннель 70 см шириной и 70 см высотой. Работа заняла три месяца и 2 дня.

Выбрано 50 человек – молодых, сильных и обязательно низкорослых. Ежедневно каждый должен был отработать два часа в туннеле. Ханан Кушнер и Шауль Городинский были посильнее остальных и каждый день работали от 3 до 5 часов по очереди. Люди внутри туннеля работали обнажёнными из-за влажности.

Получали еду через местную полицию, которая за хорошую взятку закупала продукты и тайно передавала ночью через ограждение в гетто. Те, кто тяжело физически работал, получали дополнительную еду.

Строительство туннеля началось в середине мая 1943 года, в первые дни июня он должен был пройти под двумя рядами колючей проволоки и деревянным забором.

Идеи были предложены людьми, у которых не было специальных технических знаний. Всё шло от общего понимания задачи и необходимости её выполнить. Каждый вложил свой опыт и внёс свой вклад в общее решение.

Копали туннель инструментами, которые узники брали со своих рабочих мест, например, из столярной мастерской. Брали ночью и возвращали утром. Лейба Пинчук описал инструмент, который следовало сделать в кузнице – металлическое лезвие с острым концом и короткой ручкой. Там же были сделаны ведра, чтобы вытаскивать землю из туннеля. Работа продвигалась быстро, но копать

было трудно, потому что только один человек мог работать в конце туннеля, и копать нужно было в лежащем положении.

Глубина туннеля 1,5 метра. Высота позволяла человеку ползти на четвереньках. После того как прокопали несколько метров, сделали отверстие на поверхность, чтобы проверить высоту от земли, это также показало, были ли какие-то отклонения вправо или влево.

Копали целыми днями и ночами и разными способами прятали землю. Работали тяжело, с полной самоотдачей. Страх, что об их предприятии узнают, сопровождал днём и ночью.

Это казалось фантазией, но постепенно она превращалась в реальность. Слово «туннель» изменило всю атмосферу в лагере.

Одна из главных проблем, которую надо было решить – избавиться от земли, которую доставали из туннеля. Землю вытаскивали в ведрах верёвками и выносили в карманах, шапках, горшках и т. д. Сначала её разбрасывали во дворе, затем начали сыпать на чердак. Когда стало слишком много, построили фальшивые двойные стены и ссыпали между стен. Потом сыпали в колодец. Попросили разрешения у немцев выкопать новые туалеты, чтобы поддерживать чистоту в гетто. Разрешение было дано. Евреи копали траншеи для новых туалетов и добавляли туда землю из туннеля.

Землю вытаскивали в мешках. Портные сделали мешки из тряпья. Верёвки для вытаскивания мешков делали из рубашек (одеял). Мешки передавали на чердак по конвейеру из 60 человек. Работы велись молча. Общались на языке жестов. Люди сидели через каждые несколько метров и передавали маленькие мешочки с землёй друг другу, транспортируя таким образом на чердак.

Одними из тех, кто выносил землю из туннеля, были Лея и Рая Кушнер. Они прятали под пальто маленькие, незаметные со стороны мешочки с землёй, а потом её высыпали. Заполнили землёй несколько пустых комнат. Постоянно искали место, где спрятать землю.

Позвали Школьника, столяра из Карелич, и сказали, что нужна платформа на колёсах размером 50 x 50 см как можно быстрее.

Отца Джека Кагана попросили сшить двое поводов по 50 метров. Обязанность следить за поводьями передали Эфроиму Селюбскому, когда старшего Кагана отправили в лагерь Колдычево.

Ещё одной проблемой были нехватка воздуха и темнота в туннеле. Сделали керосиновые лампы, но они не горели, потому что не хватало воздуха. Наши изобретатели, такие как Лёнька Портной и другие, пришли на помощь. Они сделали трубы в виде конусов – широкие снизу и узкие сверху, которые проталкивали изнутри. Трубы были такой длины, что не выходили на поверхность и не вызывали подозрений. Это решило проблему с подачей воздуха. Воздух начал поступать внутрь.

Позвали Абрама Раковского, лучшего электрика, и сказали ему поискать кабель и обеспечить электричество в туннеле.

Стены туннеля нужно было укрепить, чтобы не рухнули. Моше Нигневицкий, столяр, отвечал за снабжение досками для строительства туннеля. Альтер Нигневицкий помогал младшему брату в столярной мастерской. Вход в туннель был под нарами, на которых он спал. Разобрали несколько нар, из них сделали подпоры, чтобы предотвратить обвал туннеля. Плотники подготовили секции из дерева. Древесину крали из мастерских, выносили под пальто, собирали щиты и устанавливали ночью. Таким образом метр за метром продолжался туннель.

Когда строили, пристально наблюдали за полицаями, охранявшими лагерь. Для этого назначили специальных дежурных, которые стояли на посту. Но всё было тихо. Охранники ходили вдоль забора.

Была и ещё одна проблема: как сохранить работу в строгой тайне, особенно позднее, когда пришлось задействовать большое количество людей, и было неизвестно, нет ли среди них шпионов. Евреев окружала разветвлё

нная сеть шпионов, за ними следили на каждом шагу.

При строительстве туннеля была задействована сложная логистика, осуществляемая в тайне из-за страха перед немцами, полицаями и евреями, которые могли выдать. Туннель приближался к забору в быстром темпе, каждый день делали несколько метров. Были разные технические проблемы. Например, с тележкой, которая всё время падала с рельсов. Туда посадили человека, который в нужный момент наклонял её на себя.

За два месяца был прокопан туннель длиной 110 метров. Он вёл в поле за пределами гетто.

Работали до августа, все в гетто знали об этом и держали в секрете, за исключением Мендельсона (об этом человеке отзывались очень плохо), который жил отдельно. Ходили слухи, что его нужно убить перед побегом.

19 сентября 1943 года было созвано ещё одно совещание. На нём сообщили, что туннель будет завершён на следующей неделе. Так началась самая длинная неделя в жизни узников гетто.

Четырнадцать мужчин жили в комнате, где копали. Все были из одного города Дятлово, возле Новогрудка. Они собрались в комнате в ночь, назначенную для побега, закрыли дверь и вначале не впускали никого. Решили не позволить никому уйти через туннель? Страх или что-то другое руководило ими? Сегодня никто не ответит на этот вопрос. Правда, потом всё разрешилось. Острейшие психологические сюжеты. Удивлён, что до сих пор нет фильмов или спектаклей об этом побеге.

О туннеле знали даже за пределами гетто, в партизанском отряде. Но не было подозрений ни у немцев, ни у полицаяев. Почему? Может, потому, что узники никогда не пренебрегали работой в мастерских, и производительность их труда не снижалась. Кроме того, санитарные условия в спальнях помещениях были настолько ужасными, что охранники туда никогда не входили, боялись эпидемий, давая возможность копать втайне.

Было решено, что побег начнётся в субботу вечером. Ночь оказалась ясной, всех продержали в готовности до часа ночи. Потом решили повторить попытку на следующий день в воскресенье.

Были те, кто выразил сомнение по поводу возможности побега. Некоторые говорили: будем заживо в ловушке в туннеле. Другие говорили, что надо ещё подождать и посмотреть – время покажет. Несколько узников спрятались в гетто – в заранее подготовленном укрытии. Пять человек – Элияху Беркович, его сестра, Зисл Розин и Колачек с сыном – смогли позднее выбраться из гетто. Не знаем судьбу остальных, но Элияху Беркович остался жив.

Братья Неваховичи (один – парикмахер, другой – радиотехник) предложили старому отцу, который не хотел идти, морфий для самоубийства, чтобы его не взяли немцы. Братья вышли, но их убили. Неизвестно, как это произошло, говорят, их поймали на следующий день.

Было решено провести тайное голосование, и все будут следовать воле большинства. Демократия на границе жизни и смерти. Результатом голосования было – 165 голосов за побег и 65 против. Решили бежать. Следующая проблема заключалась в том, кто должен идти первым и кто – последним. Все хотели быть первыми. Казалось, что так больше шансов выжить. Комитет пришёл к заключению, что никому не скажут, каким он будет в очереди. Каждому дали кусочек бумаги с именем человека, идущего впереди него.

Были распределены номера для входа в туннель, чтобы не было спешки. Ицхак Розенхауз составил список беглецов перед побегом. 10 человек из вооружённой охраны, 10 рабочих, которые должны были открыть выход, и 6 человек из комитета, следившие за порядком и не имевшие номеров.

Кушнер-старший решил, что он будет уходить из барака последним, чтобы не мешать другим беглецам. По тем временам Зейдель считался пожилым человеком – в 1943-м ему было уже 45 лет, и он боялся, что не сможет быстро передвигаться в узком

тоннеле, в котором к тому же было очень мало воздуха. Лея с Раей остались с отцом, чтобы помочь ему проползти 250 метров до свободы.

23 сентября дошли слухи об убийстве в Минске гауляйтера Кубе. Понимали, будут репрессии. Это стало последним толчком к побегу.

Назавтра был ясный солнечный день, на этот раз, думали в гетто, не может быть никаких задержек. Как только стало темно, все были в назначенных местах. Пробирались через отверстие в чердаке ко входу в тоннель. И всё же побег отложили. Испугались хорошей видимости.

Наступил день 26 сентября, воскресенье. Это была третья попытка после двух провалившихся. В 5 часов дня тёмно-синие тучи стали затягивать небо. Вскоре после этого разразился дождь с громом и молнией.

Узники начали организовываться для побега. Каждому сказали, за кем он будет идти. Комитет распределял выход.

Лило так сильно, что ничего не было видно перед собой. Люди, работавшие с электричеством, сделали замыкание, в гетто стало темно. Побег был запланирован на ночь. Поздно вечером все пришли во второе здание, где был вход в тоннель. Получили номера, боевая группа получила оружие. По предварительным расчётам нужно было около 48 минут, чтобы каждый мог пройти через тоннель.

Все звуки заглушались грохочущим от ветра листом жести, крепление которого на крыше барака специально ослабили.

Руководители приказывали, как себя вести. Оружие получили первые и последние, принимая во внимание, что им грозит большая опасность, если встретятся с врагом. В 9 часов вечера все стояли в порядке, установленном комитетом. У входа в тоннель – члены боевой группы с револьверами в руках. Они впускали в туннель по порядку, указанному в списке.

Прожектор моргнул несколько раз и погас. Это было сигналом к началу побега. Первыми в тоннель вошли 10 рабочих. Они должны были раскопать выход и поставить лестницу, которую подготовили заранее. За ними следовали 5 охранников, вооружённых пистолетами, и 2 человека из комитета. 5 человек также вооружились пистолетами, а остальная часть комитета стояла у входа.

Первые 120 человек зашли в тоннель. Люди стояли в тишине. Все должны были ползти. Внутри была голая земля и рельсы для тележки, на которой вывозили землю. Стены поддерживали доски. Ползти было очень тяжело. Внутри было освещение, но было ужасно душно.

Выход открыт. По сигналу люди начали выходить из тоннеля. Побег продолжался не более одного часа. Последними выходили члены боевой группы.

Чья-то неосторожность слишком рано сделала побег явным. Тот, кто уходил последним, оставил горящую лампу – забыл погасить, что послужило причиной пожара. Охрана зашла в барак из-за внезапного пожара. Прибывшая полиция тотчас поняла, что произошло. Побег был обнаружен, когда половина узников ещё находилась внутри тоннеля. Узников уже не было в комнате. Обнаружив вход в тоннель, полиция открыла огонь в направлении голосов, которые доносились с другого конца тоннеля.

Было слышно, как полицейские кричали: «Ни единой души!». Стрельба длилась полчаса, затем наступила тишина.

Во время побега Ханан Кушнер вошёл в тоннель вслед за Шаулем Городинским, так как они вместе работали. Ханан умер от пули уже выйдя из тоннеля. Охранникам удалось застрелить 42 человека. Судьба некоторых из совершивших побег узников до сих пор неизвестна.

Тишина оставалась до утра. После этого немцы начали прочёсывать район.

Были узники, которые из-за темноты совершили ошибку. Выйдя из тоннеля, они пошли в обратном направлении, в сторону лагеря.

«Когда вышел из тоннеля, увидел, что всё поле ожило от летящих пуль. Я видел в темноте фигуры, бежавшие к лесу. Начинало светать. Мы лежали за кустом и пробыли там весь день, примерно в двух километрах от города. Как только стало темно, мы встали, пошли в ближайший дом и попросили еды. Человек дал нам буханку прекраснейшего хлеба и немного молока, – вспоминал Джек Каган. – Мы шли пять ночей в одном направлении. Какое-то время шёл дождь, и я боялся снять с себя драные ботинки. Вокруг дыры, которая образовалась в одном из них, была видна засохшая кровь. Утром 1 октября 1943 года мы сели отдохнуть после того, как шли всю ночь. Мы увидели группу людей с телегой и лошадьми. Мы спрятались. Но потом услышали, что они говорят на идише, и я узнал одного из партизан».

Узнав про случившийся побег, из партизанского отряда братьев Бельских отправили людей на поиск узников, чтобы помочь им добраться в безопасное место.

Вспоминает Фаня Дунец: «...Нас было трое: старик, мать моей подруги и я. Мы добрались до деревни, где жила женщина, которую мы знали. Она прятала нас в зерне и соломе два дня. Всё это время мы слышали шаги проходящих мимо немцев и их крики. ...По дороге мы встретили русских партизан, которые подумали, что мы шпионы, и хотели нас убить. Мы рассказали о побеге из гетто, но только когда мимо проехали на лошадях другие партизаны и подтвердили то, что мы сказали, нас отпустили».

Элияху Беркович вспоминал: «...Нашей целью было добраться до Сенежицкого леса. Мы добрались до леса, который находился в 6 километрах. В лесу мы чувствовали себя более уверенно. Становилось светлее. Мы увидели на расстоянии двоих мужчин с винтовками. Мы думали, что они могут быть полицейскими, и спрятались в кустах. Они крикнули, чтобы мы подошли.



Таблички с именами тех, кто совершил побег, на Стене памяти.

К нашей радости, оказалось, что это были доктор Розенблюм и его начальник – нееврей. Он был очень рад встретиться с нами. Он рассказал нам о тех, кто бежал через тоннель».

«Мы смогли спрятаться в лесу. Ночью мы начали двигаться дальше, пока не добрались до более крупного леса – Налибокской пущи. Там мы нашли партизан, о которых знали, и знали, как их найти, – рассказывает Батя Рабинович. – Путь к ним был долгим, нам потребовалось несколько ночей, чтобы добраться к ним. Руководил партизанами Тувия Бельский. С ним были братья, но командиром был он. Когда мы пришли, там было около тысячи человек. Это было единственное место для евреев, где принимали женщин и больных – всех. Обычно русские партизаны, которые тоже сражались против немцев, не принимали евреев, а когда они это делали, то делали неохотно».

«Когда мы пошли дальше, то увидели, что кто-то лежит на земле. Это был Шолом, столяр. Я всегда говорил Шолому в гетто: “Когда пойдёшь, возьми нас с собой”. У его отца была мельница в деревне, и он знал все тропинки. Мы жили в городе и не знали сельской местности, – рассказывал Зейдель Наум Кушнер. – Мы

решили держаться вместе. Держали друг друга за руки. Выйдя на свежий воздух, я почувствовал, что теряю сознание, и сказал дочерям, чтобы они шли вперёд, а я останусь отдохнуть. Но они сказали, что должны идти вместе. Подняли меня под руки. Я сказал, что теряю сознание. У одной из дочерей были с собой луковица и яблоко. Она натёрла мне губы луком, и я пришёл в себя».

«Когда мой отец, сестра и я выбрались из тоннеля, мы не знали, куда идти. Мы пошли за еврейским парнем из деревни, который знал дорогу на хутор в окрестностях. Он также знал многих неевреев – владельцев хуторов. Он был нашим ангелом», – вспоминала Рая Кушнер.

Известны не все имена узников, совершивших побег. Некоторые были убиты при выходе из тоннеля и во время облавы, организованной на следующий день. 125 человек из числа тех, кто сбежал, выжили.

Татьяна Мелевич, Андрей Фишбайн, работник музея, и Сергей Сачик в Музее еврейского сопротивления.



Зейделю Науму, Рае и Лее Кушнер повезло, они добрались в отряд Бельских в Налибокской пуще. Зейдель и его брат Хаим Лейбович, который также бежал через тоннель, работали в шапочной мастерской в лесу. Хаим Лейбович был начальником мастерской. Оба были отмечены как одни из лучших рабочих в распоряжении командира Тувьи Бельского от 1 мая 1944 года.

Рая и Лея вместе с другими членами отряда охраняли лагерь партизанского отряда братьев Бельских. Это был уникальный отряд. Кроме боевого подразделения в нём были старики, женщины и дети. Они размещались в укромных уголках Налибокской пущи, и основная их задача была выжить в условиях нацистского террора.

В лесной деревне отряда были пекарня, баня, больница, школа, кузница, кожевенный завод. Даже партизанская синагога – наверное, единственная в годы войны. В ней сыграли две свадьбы. И хотя это не имеет прямого отношения к нашему рассказу, меня заинтересовала судьба партизанского раввина. Был такой, освобождённый из гетто, раввин Давид Брук. Небольшой рассказ о нём я нашёл в воспоминаниях его внука Михаила Беленького:

«Он практически ничего о себе не рассказывал...

Вот то, что я знаю.

Родился в 1905 году в Новогрудке, Польша. Закончил хедер, затем ешиву.

Можно предположить, что к тому времени, когда началась война, у него уже была своя семья. И они, как и его родители, погибли в Новогрудском гетто. Все. В один день. С его слов, он был на работах, а когда пришёл, никого из родственников уже не было.

Из гетто он бежал. Попал в отряд Бельских. Быть раввином в партизанском отряде тоже не сахар. Мать рассказывала, что ночами он часто говорил и стонал во сне. Фраза, которую она запомнила, будучи ребёнком: "Как я устал нести этот пулемёт!.."

После войны он хотел уехать в Палестину. Не получилось. В Новогрудке его ничего не сдерживало – ни семьи, ни дома.

Партизаны отряда братьев Бельских были безжалостны, и даже жестоки, не только к немцам, но и ко всем, кто поддерживал немцев, служил в полиции или органах управления. И потому дед, не без оснований, боялся мести со стороны этих недобитков, служивших немцам.

Ещё во время войны он дал себе зарок: если останется жив, то женится на самой несчастной еврейке, которую найдёт.

Бабушка во время войны потеряла всю родню... После перенесённой в детстве травмы была горбата и плохо видела на один глаз.

Куда уж несчастней! Он переехал к ней в Брянск и женился на ней. Работал грузчиком и одновременно исполнял обязанности раввина и шойхета.

У них родились мой дядя (в 1945 г.) и моя мама (в 1947 г.). Дед умер в Песах в 1980 году».

Давид Брук похоронен в Брянске. Прислали фотографию матери, стоящей на его могиле.

Возможно, кто-то дополнит рассказ о партизанском равнине Давиде Бруке?

После освобождения Беларуси в июле 1944-го, Кушнеры вернулись в Новогрудок, но не смогли остаться, где всё напоминало о потере их близких и пережитом в гетто. Воспользовались разрешением Сталина для поляков и евреев, которые являлись гражданами Польши до 1939 года, вернуться в Польшу. Затем Кушнеры эмигрировали в Европу, а затем из лагеря для перемещённых лиц уехали в США.

В партизанском отряде Рая Кушнер познакомилась со своим будущим мужем Иосифом Берковичем. Пара поженилась уже после войны, в 1945 году, в Будапеште. Иосиф взял фамилию жены, а затем они уехали жить в США. Именно там у них родились сыновья Чарльз и Мюррей и была заложена основа грандиозного бизнеса, который сделал наследников Раи и Иосифа (в Америке он стал Джозефом) миллиардерами.

Подросший Чарльз Кушнер продолжил успешно заниматься недвижимостью и со временем открыл девелоперскую компанию Kushner Properties. К моменту рождения в 1981 году сына Джареда его отец уже был миллиардером и очень преуспевающим бизнесменом. Кроме Джареда в семье Чарльза Кушнера есть ещё трое детей – Дара, Николь и Джошуа.

Джаред Кушнер влился в семейный бизнес. Ещё в студенческие годы он заработал около 20 миллионов долларов на сделках с недвижимостью, а в 2006 году потратил на приобретение газеты The New York Observer 10 миллионов долларов. В октябре 2009 года Джаред Кушнер женился на Иванке Трамп – старшей дочери Дональда Трампа. Перед свадьбой Иванка приняла иудаизм, который исповедовали её будущий муж и его семья.

В семье Джареда и Иванки растут трое детей: Арабелла Роуз, Джозеф Фредерик и Теодор Джеймс.

Об истории своей семьи Кушнеры никогда не забывали и приезжали в Новогрудок ещё во времена СССР – тогда Чарльз привозил на место, где располагалось гетто, свою маму Раю. А в 2007 году десять членов семьи Кушнер приезжали на открытие Музея еврейского сопротивления. Среди гостей была и выжившая в гетто Лея Кушнер. Пожилая женщина передвигалась в инвалидной коляске, и, когда на ней было трудно куда-то подъехать, родственники переносили коляску на руках.

В 2016 году своих внуков в Новогрудок привозил дедушка Чарльз Кушнер. В Музее он рассказал внукам историю семьи, показал место, где погибли их родственники, где был совершён исторический побег.

Фонд семьи Сирил и Чарльза Кушнер выделил средства на строительство на территории бывшего гетто Стены памяти. Она была открыта 8 июля 2019 года. На ней установлены 227 табличек с именами узников на трёх языках – русском, английском и иврите. Таблички с фамилиями тех, кто выжил во время по-



Семья Кушнер. Фотография из Музея еврейского сопротивления.

бега, расположены рядом с отверстиями в стене, через которые можно увидеть голубое небо. Гранитные блоки, которые застряли в стене, установлены рядом с именами погибших. Таблички с именами тех, чья судьба осталась неизвестной, размещены просто на поверхности Стены.

Перед Стеной памяти – Сад справедливости и милосердия. Он посвящён Праведникам Народов Мира – белорусам и полякам, которые спасали евреев во время нацистской оккупации.

На открытие Стены памяти приезжала Шелли Девис (внучка Раи и племянница Чарльза Кушнера) со своим мужем, дочь и две внучки Леи Кушнер.

Из безвыходной ситуации, из подземного тоннеля к вершинам бизнеса, к вершинам мировой политики – путь, который прошла семья Кушнер.

В конце нашего посещения Музея еврейского сопротивления мы собрались у памятника «Желание жить».



Памятник «Желание жить».

Девочка, одетая в костюм бабочки для Пурима, танцует рядом с Древом Жизни. Прототипом стала Михля Сосновская. Её с подругой арестовали, когда они пытались сбежать из гетто... Это было ещё до коллективного побега. Скульпторы Владимир Пантелеев и Олег Куприянов нашли образ девочки, верящей в будущее. Такой она и должна остаться в нашей памяти – победившей смерть.

Из Новогрудка – в Белицу, на старинное еврейское кладбище. Старые кладбища, неухоженные, непосещаемые, относятся к проблемам, связанным с потерей нашей памяти. И касается это не только еврейских кладбищ. Такое же состояние у старых православных, католических кладбищ. Не осталось рядом населённых пунктов, потомки похороненных здесь людей забыли или не знают ничего об этих кладбищах. И они становятся культурным (или бескультурным) слоем XX – XXI века, уходящим в небытие.



Андрей Фишбайн на еврейском кладбище в Белице.

Думаю, необходимо по всей Беларуси собрать данные (с помощью районных властей, молодёжных организаций, музеев, архивов) и издать «кладбищенский» каталог. Касается это, подчёркиваю, не только еврейских кладбищ, с кладбищами других конфессий дела обстоят не лучше. В каталоге зафиксировать место расположения кладбища, его территорию, сколько захоронений осталось на данный момент. Это позволит сохранить память об этой земле, о людях, которые здесь жили.

В Белице три кладбища. Мусульманское (здесь постоянное татарское население). Если подниматься вверх по дороге, следом будет старинное еврейское кладбище. Во всех источниках указывается: первые захоронения XVI век, последние – предвоенные, июнь 1941-го. Чуть поодаль, как въезжаешь в деревню, – христианское кладбище.

В Белице на протяжении веков жили католики, православные, иудеи и мусульмане. Вероятно, бытовые конфликты были, но противостояния людей разных конфессий не наблюдалось. Жили в мире, а про согласие заботилось законодательство и власти страны, к которой относилась Белица. Страны были разные!

Еврейское кладбище устлано плотным ковром слежавшейся травы. Десятки оттенков, от жёлтых до коричневых, до чёрных. Кое-где сиротливо выглядывают макушки мацев. Местами мацевы стоят целыми компаниями, а иногда на десятки метров не видно ни одной. На кладбище хоронили рядами, но потом, скорее всего за последние восемьдесят лет, часть надгробных камней, самых крепких, растащили на стройки, для фундаментов, или укрепления дорог, а часть мацев, вероятно, вывезли немцы в период оккупации.

Андрей Фишбайн и раньше бывал здесь, знает Белицу, отвечает на наши вопросы и рассказывает.

– Кто-нибудь бывает на этом кладбище? – спросил я.

– Иногда приезжают люди. В Белице после войны нет ни одного еврея.

Готовя эти публикации, я посмотрел исторические документы. «В эпоху польского владычества местечко (Белица – А.Ш.) Виленского воеводства, Лидского повета. По переписи 1766 г. в белицком кагале и подчинённых ему соседних местностях – 288 евреев. По ревизии 1847 г. «белицкое евр. общество» составляли 544 души; по переписи 1897 г. жителей 1686, из коих евр. 679».

Белица – один из немногих небольших населённых пунктов, где численность еврейского населения медленно, но росла до 1941 года. Перед Великой Отечественной войной здесь проживало около 750 евреев. Оккупирована на третий день войны, так что убежать на восток, если кто и хотел, сделать этого уже не смог. Оккупация продолжалась с 27 июня 1941 года до 9 июля 1944 года (данные из интернетовской Википедии).

Сразу после оккупации немцы расстреляли и закопали рядом с православной церковью евреев-мужчин Белицы (47 человек). Оставшихся женщин, детей и стариков увели в гетто в Дятлово.

Серьёзных трудов по истории Белицы не нашёл. (Может, плохо искал?)

– Несколько лет назад здесь работали волонтеры из молодежной еврейской организации, – рассказывает Андрей Фишбайн. – Понятно, они не могли навести достойный порядок, для этого надо много времени, денег, но трава была убрана, многие мацевы очищены. Вид был другой, чем теперь.

Про старинное еврейское кладбище в Белице, хоть изредка, но вспоминают. А сколько забытых кладбищ только в Гродненской области! Никто не даст даже приблизительный ответ.

Андрей Фишбайн и Сергей Сачик рассказывали мне про лесные еврейские кладбища. Было местечко или деревня, в которой жили евреи, рядом кладбище. Местечка или деревни уже нет (особенно после Холокоста, когда все жители погибли). Остатки домов растащили, или они сгорели, сгнили, и только по фундаментам видно, где жили люди. Улицы, хозяйственные постройки, дороги и кладбища заросли сначала кустарником, потом лесом. Только редкие люди знают, где они были.

За плотным забором – агрогородок Белица. Красивое место на берегу Немана. Центр сельсовета. Средняя школа, при ней музей. Надеюсь, что школьники знают историю родных мест. А если пока не знают, то смогут узнать.

В Желудок, городской посёлок в Щучинском районе, мы приехали уже ближе к середине дня. На лужайке фигуры из камня – результаты работы скульптурных пленэров, которые традиционно проводятся здесь уже лет пятнадцать, в них принимают участие белорусские мастера. За лужайкой – церковь Святого Мартина Туровского. Построена сравнительно недавно, в 1998 году. За ней – здание, в котором была синагога.

Как будто идёшь по дороге времени – от сегодняшнего дня в глубь десятилетий...

В этот же день мы встретились с Галиной Петровной Качановской. С её помощью лучше узнали еврейскую историю Желудка.

«Я из Ивьевского района, — рассказала Галина Петровна. — Закончила Минский педагогический институт имени Максима Танка. Учительница английского языка, истории и обществоведения.

Педагогический стаж — 40 лет. После окончания института жила в Желудке. История меня всегда интересовала. Этот населённый пункт (местечко, городской посёлок) с большой интересной историей. Он пережил разные времена, в том числе и очень сложные».



Интервью с Галиной Петровной Качановской.

За синагогой полуразрушенное здание бывшей общественной бани с миквой. Построено это здание, как указано на памятной табличке, прикреплённой к нему, в начале XX века, а на туристическом панно с достопримечательностями Желудка — в конце XIX века.

В Беларуси остались считанные старинные миквы (Зембин, Долгиново). Надо объяснить, что это.

Миква — бассейн для ритуального очищения, предписанного еврейским законом. В еврейской



Татьяна Мелевич и Андрей Фишбайн в Желудке.

системе ценностей микве придаётся первоочередное значение. Если община стоит перед выбором, строить микву или синагогу, предпочтение отдаётся микве.

Стены общественной бани в Желудке были выложены из крупных камней. Крыша наверняка перекрыта после войны, шифером. Здание использовалось как общественная баня и после того, как в посёлке забыли, что такое миква.

Переставляли окна, закладывали кирпичом проёмы. На некоторых окнах решётки, некоторые – с остатками стёкол или забиты фанерой. Через разбитое окно заглянул внутрь – посредине зала стоит печка, которую ещё не успели разобрать и растащить.

Историю памятных табличек, прикреплённых к еврейским зданиям, мы узнали от Галины Качановской.



Миква в Желудке.

«В 2013 году я активно участвовала в проекте по линии СЭФЭР. Проект связан с изучением истории евреев Восточной Европы. Проводится университетами России, Беларуси.

Тогда же были выделены по гранту СЭФЭР деньги на изготовление табличек на местах, где сохранились здания, имеющие отношение к еврейской истории. Была выпущена книга «Желудок. Память о еврейском местечке» (изд. СЭФЭР. Научный труд, выпущенный университетами Москвы, Минска, Гродно). У нас состоялась презентация этой книги. Была задействована практически вся школа, более ста детей. Распечатали план Желудка. Дети ходили по городскому посёлку и определяли, где были еврейские места. Устанавливали таблички». Хорошая погода способствовала нашей прогулке по Желудку. Женщина, хозяйка соседнего с синагогой дома, жгла прошлогоднюю траву. Наверняка пожарные запрещают это, но жгла... Интересно смотрелась старая синагога, и сквозь дым проглядывали золочёные купола церкви.



Синагога и церковь в Желудке рядом.

Бывшая синагога, двухэтажная, кирпичная, солидных размеров, сейчас пустует. Раньше в ней был местный Дом культуры. На стене памятная табличка. Менора и текст: «Синагога. Построена в конце XIX – начале XX века. До 1939 года использовалась еврейской общиной Желудка».

Здание, в котором была синагога.



Снова ссылаюсь на рассказ Галины Качановской «Про синагогу, конечно, знают в Желудке многие. Правда, немногие знают, что после 17 сентября 1939 года, когда эти районы были присоединены к Советскому Союзу, евреи Желудка сами решили отдать синагогу под клуб в надежде, что так она сохранится. Здание сохранилось, только эти камни забыли, как звучат молитвы».

Нам хотелось хотя бы представить, что здесь было в годы, когда в Желудке была процветающая еврейская община. Отмотаем время до середины тридцатых годов XX века с помощью воспоминаний Мирона Мордуховича, опубликованных в книге «Желудок. Память о еврейском местечке» (изд. СЭФЭР):

«По оси Базарной площади, в некотором углублении стояли две синагоги, и назывались они, как обычно во всех местечках, «старая» и «новая». Они стояли рядом, под прямым углом, образовав общий двор, куда во время перерывов выходили молящиеся немного передохнуть, переговорить, подышать свежим воздухом. В середине 30-х годов, тёмной осенней ночью, новая синагога сгорела от упавшей свечи, но кирпичные стены уцелели, и вскоре она возродилась в более современном виде. У неё был красивый фасад с полукруглыми окнами, с множеством архитектурных деталей. Внутренний вид был весьма аскетичным: чистые белые стены, балкон для женщин, в центре — возвышение (бима) для чтения Торы и богато орнаментированный алтарь (Арон-Кодеш), где в бархатных чехлах хранились свитки Торы. По субботам и праздничным дням, евреи, надев лучшую одежду, в одиночку и семьями отправлялись в синагогу. У мужчин под мышкой обычно размещался талэс-зекл, сумка, где лежали талес и сидорим (молитвенники). В синагоге (Бет-медреш) каждый имел своё определённое место у молитвенной стойки (стендер). Молитвы читались индивидуально и совместно, и через определённые промежутки звучало общее восклицание “Омэн”.

В отличие от христианских храмов, здесь было довольно шумно, т.к. каждый молился на свой резон, часто с шатанием и поклонами, иногда с напевами. Между молитвами успевали поговорить и о будничных делах, о парносэ (заработках), о ценах на овёс, о новостях местечка и мира.

Особенно торжественно проходили моления в праздничные дни, когда приходило много народу и хазан (кантор) заливался, выводя еврейские религиозные мелодии на самые высокие ноты, и это песнопение проникало глубоко в сердце бедных и простых людей. Синагога была не только местом молитв. Она заменяла людям народный дом, где можно было встретиться, поговорить, решить важные местечковые проблемы, молодые люди использовали это место для личных свиданий, знакомились, ну а детишки, пока взрослые занимались своим божественным делом, гоняли по двору, играли и предавались веселью.

...Синагога сохранилась по сей день в сильно изменённом виде. Она превращена в поселковый клуб, впереди пристроено фойе, которое исказило фасад здания. Лишь на восточной стене видны остатки старой архитектуры с явно выделенным местом алтаря».

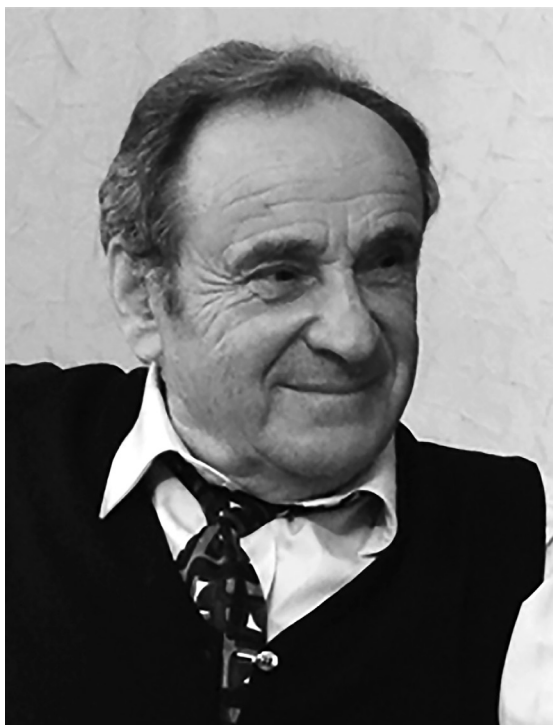
В этой синагоге в 1941-42 годах содержали часть узников местного гетто.

Сейчас здание закрыто, чтобы не допустить в помещение тех, кто не знает норм поведения. Но и мы не смогли попасть внутрь здания и довольствовались прогулкой вокруг него.

Воспоминания Мирона Владимировича Мордуховича у меня тоже появились с помощью Галины Качановской.

Каждый год в Желудок приезжала из Липецка дочь Мирона Мордуховича – Маргарита Трофимова. Она, как и её отец, архитектор. С помощью Галины Петровны я связался с Маргаритой Мионовной. Так у меня оказались материалы, связанные с Мироном Мордуховичем. Приведу несколько абзацев о его биографии:

«Мордухович Мирон Владимирович (еврейское имя Меер Вольфович) (имя изменил во время получения паспорта в 1945 г.).



Мирон Владимирович Мордухович.

Родился в 1929 году 9 июля, местечко Желудок, Западная Беларусь, Гродненская обл., (тогда Польша).

Вся моя большая родня (около 50 человек) погибла 9 мая 1942 года вместе со всеми евреями местечка. расстреляли около 2 тысяч человек.

Спаслась только наша семья и наши друзья Волчковские, теперь живущие в Израиле. Наши две семьи бежали из местечка 23 июня, на второй день войны, пешком во время обстрела. Добрались до Минска,

потом – Могилёв. Забрались в эшелон, с которым добрались до Пензенской области.

В 1945 году семья переехала в Ригу. Учился в Латвийском университете, получил диплом “архитектора”.

С 1954 года живу в Липецке. 60 лет проработал в проектной организации города.

В 2013 году в Москве вышла книга «Желудок. Память о еврейском местечке» (изд. СЭФЭР. Научный труд, выпущенный университетами Москвы, Минска, Гродно). В книге большая моя статья и рисунки».

Умер Мирон Мордухович в 2015 году.

Поехали к памятнику, установленному на месте расстрела евреев Желудка в дни Холокоста. По дороге остановились у здания, в котором до войны была еврейская школа. На памятной табличке текст: «Здание бывшей еврейской школы. Построено в 1935 году».

В Желудке было две еврейских школы. Одна – частная еврейская ортодоксальная школа с преподаванием на иврите, и другая – частная еврейская школа с преподаванием на идише, которая содержалась за счёт родительского комитета. Школу с преподаванием на иврите после 17 сентября 1939 года закрыли, идишистская школа продолжала работать до 1941 года.

В этом доме и сейчас живут люди. На окнах занавески, во дворе поленица дров. Это, конечно, только моя фантазия, что в этом доме и сейчас могут звучать слова на непонятном никому из жильцов языке.

Многовековая история Желудка, ей более 500 лет, была буквально расколота, а пытались и вовсе её уничтожить – 27 июня

Здание, в котором находилась еврейская школа.



1941 года, когда местечко оккупировали немецко-фашистские полчища. Мирная, относительно спокойная жизнь исчезла за очень короткое время.

Снова обращаюсь к воспоминаниям Мирона Мордуховича о первых днях войны:

«Сколько лет пролетело с тех пор, сколько ярких событий и случаев позабылись, целые жизненные периоды стёрлись в памяти напрочь и не восстановить их. А эти две недели, эти жуткие две недели, оставили такой глубокий след, такой жестокий шрам, что и теперь, через пятьдесят лет, могу до мелочей, до часов и минут всё восстановить в памяти с точностью киноленты и пережить всё вновь, с тем же страхом, с той же безысходностью...

Утро 22 июня было тёплым, тихим и солнечным. На чистом голубом небе – ни облачка, беззаботно на все голоса поют птицы, на душе спокойно и радостно. В восемь часов утра я налегке направился к Базарной площади, чтобы встретиться с ребятами, вместе идти за мельницу, где на полянке, называемой «стадионом», состоится спортивный праздник – районная олимпиада «Осоавиахима». Мы стояли кружком, когда из дома вышел Моше Нахимовский и с ужасом сообщил: «Ребята, война! Сейчас передали из Лондона, папа сам слышал, немцы напали на нас».

Мы не поверили; уж очень не хотелось верить, очень хотелось на стадион... Всё время твердили втихомолку о войне, а несколько дней тому назад сообщение ТАСС всех успокоило. Но на этот раз всё было серьёзно. В одно мгновение весть разнеслась со скоростью молнии, и сонное местечко выплеснулось на улицы, ещё надеясь, что сейчас всё выяснится и снова станет спокойно вокруг.

Мальчишки начали действовать, раз война – нужно создать наблюдательный пункт, ведь мы пионеры и должны быть на посту. Всей гурьбой мы отправились раздобывать бинокль, решая, где лучше установить дежурство. И вдруг над самыми крышами на бреющем полёте с ужасным рёвом пронеслись странные серые самолёты, и мы увидели на крыльях чёрные кресты.

“Немецкие”, – пронеслось в мозгу, и не успели мы даже осознать, что происходит, как глухие страшные бомбовые удары сотрясли землю. Все поднялись и побежали не зная, куда. Я мчался огородами домой, позабыв свой пионерский долг, а самолёты, сделав круг, возвращались обратно, снова пролетая над самыми крышами. Лежа в борозде, дрожа от страха, я всё же от мальчишеского любопытства поднял голову и увидел чётко не только чёрные кресты, но и голову лётчика в шлеме, который поглядывал вниз и, кажется, смеялся надо мной. Через несколько минут полнеба заволок чёрный дым – это горели 4-моторные самолёты, стоявшие на аэродроме за городком.

Было 9 часов утра, и это была война!

После обеда паника немного улеглась. Никто не знал, что происходит. О том, что немцы могут прийти, даже мысли не было. Но почему они так нахально летают? Где же наши истребители? Ведь сотни машин вылетели в летние лагеря, почему их не видно? Пошли тревожные слухи. Отец ходил в поссовет, но связи ни с Барановичами, ни с Гродно не было. День прошёл как кошмар. Ночью никто не спал, мы лежали на кроватях одетые. А через городок шли военные машины без огней, но не на запад, а на восток, кто-то кого-то в темноте окликал, гудели моторы, в доме говорили шёпотом. В два часа ночи постучали, отца вызвали в военкомат. Он взял приготовленный ещё днём вещмешок, тихо, без слёз попрощались, и он ушёл. Стало ещё страшней. Рассвет успокоенности не принёс. Кончился первый день войны...»

Вслед за оккупацией Желудка началось преследование еврейского населения. Уйти на восток сумели единицы, оставшиеся были обречены. 1 ноября 1941 года было образовано гетто, куда загнали всех местных евреев и 200 евреев из местечка Орля.

До войны в Желудке жило 78 процентов еврейского населения, сейчас не осталось ни одного.

Рассказывает Галина Качановская: «Если вспоминать Великую Отечественную войну, в Желудке в сквере в центре города

похоронен лётчик Герой Советского Союза Батырев, а на окраине – братская могила расстрелянных евреев. Около памятника в центре города были митинги, торжественные мероприятия, а на братскую могилу на юго-восточной окраине Желудка никогда раньше не ходили власти с митингами, но всегда туда приезжали родственники расстрелянных евреев. Когда я только приехала работать в Желудок, приезжали многие.

Тогда это место называлось Памятник мирным жителям.

Именно там я впервые услышала фамилию Мордухович. Посмотрела в интернете: Мирон Мордухович – главный архитектор Липецка. Роддом из Желудка.

Я принесла эту выписку нашему директору школы, сказала: “Смотрите, какой у нас пласт истории”.

У меня появились знакомые из Минска, они роддом из Желудка. Попросили положить цветочки к памятнику 9 мая. В этот день в 1942 году был расстрел евреев местечка. Захотелось побольше об этом узнать».

Сейчас в годовщину расстрела еврейского населения, она совпадает с Днём Победы 9 мая, у памятника проводятся па-

Памятник расстрелянным евреям в Желудке.





Аллея у памятника.

мятные мероприятия. Приезжают внуки и правнуки убитых узников гетто. Правда, с каждым годом их становится всё меньше и меньше.

Ученики средней школы Желудка смотрят за памятником, убирают территорию, приносят цветы, венки в Дни памяти. В школе есть музей, где в том числе отражена еврейская тема Желудка. Сейчас Галина Петровна Качановская не работает в школе Желудка, но темы, связанные с историей местечка, ей по-прежнему близки.

Памятник на месте расстрела был установлен в 1959 году, в конце 80-х годов его реставрировали. На памятнике текст на трёх языках – русском, английском и иврите: «Здесь похоронены более 2000 ни в чём не повинных евреев Желудка и Орли, зверски уничтоженных немецкими фашистами и их пособниками 9 мая 1942 года. Вечная память».

Есть ещё одна табличка на памятнике, с логотипом Яд-Вашема, – Мемориального музея памяти и героизма в Иерусалиме. Правда, текст на иврите на ней перевернут. Надеюсь, поправят. Иврит у нас знают немногие.

По еврейскому обычаю мы положили у памятника камушки...

Лида, таким был город в начале XX века.



Из коллекции открыток Андрея Фишбайна.



Та к и м
город ушёл
в историю.

Небольшая еврейская община Лиды со своим интеллигентным лицом. Безусловно, её самые активные дни позади, в довоенном времени. В 1939 году из общего числа населения в 27 тысяч человек 5,5 тысячи составляли евреи.

Почти все они, так же, как и из окрестных местечек, лежат в расстрельных ямах.

По хорошей асфальтовой дороге мы углубились в лес. Проехали совсем немного и остановились. Впереди стояла ещё одна машина. Взрослые и дети пили кофе.

– Заезжают сюда на отдых, – сказал Сергей.

– Главное, чтоб не мусорили, – слова Андрея.

Наш разговор услышали, и женщина из первой машины ответила:

– Не волнуйтесь. Всё за собой уберём.

Хорошо, что сюда заезжают даже случайно оказавшиеся здесь люди. Подойдут к памятнику, будут знать, что это за место. Главное, чтобы действительно с уважением относились к памяти, а значит, и вели себя подобающе.

По аккуратной дорожке, уложенной плиткой, идём к мемориалу. Красивая ограда, ступеньки из чёрного гранита и по бокам две плиты с магиндовидами и текстом: «1942 год. В этой братской могиле захоронены замученные немецко-фашистскими захватчиками 6700 жителей г. Лиды». И на второй плите – та же надпись на иврите. В глубине архитектурной композиции – памятник. Две женские фигуры.

В Беларуси на местах массовых расстрелов еврейского населения в годы Холокоста немало памятников, памятных знаков. Особенно активно их стали устанавливать с середины девяностых годов прошлого века. Значительная часть в одном стиле, по определённому трафарету. Никого не упрекаю. Это очень хорошо, что отмечены места расстрелов еврейского населения, отдана дань памяти. Люди приходят к этим памятникам, памятным знакам,

приносят камешки, цветы, вспоминают, рассказывают детям. И всё же с особым чувством подходишь к памятникам, которые – произведения искусства, в которые вложена душа авторов.

Такой памятник в Лиде. Две фигуры: одна погибающая, вторая – скорбящая и возрождающаяся. Это авторская задумка. Но в том-то и сила этого памятника, что каждый читает его по-своему. Я даже поинтересовался, может, спаслись от расстрела две женщины: мать и дочь. Возможно, приходили на место расстрела... Нет таких данных. Есть философское объяснение, что женское начало победило смерть... Памятник получился.

Поставлена задача, рядом с мемориалом поставить Стену памяти с фамилиями всех погибших, 6700 человек. Задача не только не простая, но, думаю, в полном объёме и не выполнимая. Хотя около 3000 имён можно восстановить. Сергей, Андрей и Татьяна обсуждали, как решить эту задачу. И я услышал имя и фамилию Бориса Мееровича Голубовича.

Потом мы подошли ко второму памятнику мемориала. Он находится в нескольких десятках метров. Это место называют местом детского расстрела. Хотя никаких подтверждающих документов, что здесь расстреливали именно детей, нет. Аккуратная, выложенная плиткой дорожка. Наклонная плита из чёрного гранита, на ней выбита менора и надпись на двух языках, русском и иврите: «Вечная память жителям города Лиды, замученным немецкими захватчиками 8 мая 1942 года». Речь зашла о незначительном ремонте, который необходимо сделать к годовщине расстрела, когда здесь соберутся люди, и Татьяна сказала: «Я позвоню Борису Мееровичу».

Конечно же, меня заинтересовало, кто это Голубович Борис Меерович. Хотя и раньше, до поездки, составляя с Сергеем Сачиком план встреч, он говорил мне: «Обязательно поговорите с Голубовичем».

– Борис Меерович, серьёзно помогает нашей общине, – сказала Татьяна Мелевич. – Мемориал, каким Вы его сейчас ви-

дите, – это сделано в первую очередь, его заботами и стараниями. Живёт и работает в Минске. Но каждый год бывает у нас.

С Борисом Голубовичем я встретился в Минске. Знакомство оставило приятное впечатление. Есть люди, которые располагают к себе. Несмотря на заслуги, положение, авторитет, он не «надулся», как сейчас делают многие, которым кажется, что они приподнялись от земли.

Разговаривали в его кабинете, на производстве. Скромная деловая обстановка.

Понимал, что нельзя начинать разговор «с места в карьер», и поэтому начал знакомство с темы, которой, как мне показалось, и потом это подтвердилось, живёт Борис Меерович, – с его работы.

– Я родился в Лиде и до студенчества проживал в этом городе. В 17 лет уехал на учёбу в Москву – авиационно-технологический институт, – Борис Голубович говорит тихо и медленно. Наверное, жизнь научила, прежде чем сказать слово нужно

Борис Меерович Голубович.



дважды взвесить его. И касается это любой темы. – Вернулся из Москвы в Минск. Работал на производстве. Потом в период перестройки, произошли изменения и в стране, и в моей жизни. Я открыл один из первых кооперативов в Беларуси – пио-

нер кооперативного движения. Выпускали товары народного потребления. В дальнейшем на базе кооператива развернул холдинг, в который сегодня входит три предприятия. Выпускаем упаковки для парфюмерии, косметики, медицины. В этой области мы тоже были пионерами.

После нашего обстоятельного разговора Борис Меерович провёл для меня экскурсию по предприятию. Я видел, с каким уважением относятся к нему работники, видел, с каким настроением он подходил к каждой машине, станку, линии. Гарантирую, вложил в дело не только время, деньги, но и свою душу. Поэтому есть результаты.

Вторая тема, которой мы коснулись в разговоре, – «семейная». Началась она с детских воспоминаний.

– Помню очень хорошо покалеченных солдатиков, без ног, передвигались на сколоченных платформах, на четырёх колёсиках-подшипниках. Много их было возле базара. Просили, кто что даст, искали компании, кто нальёт выпить. Мы, кстати, недалеко от базара жили.

Мой отец – Голубович Меер Израильевич. У него погибли в гетто мать, сестра, первая жена. Голубовичи – коренные лидчане. Пока дальше своё генеалогическое древо хорошо не знаю.

Родился в семье, отец – еврей, мама – русская. Это второй брак отца. Мама Мария Матвеевна Телущенко из Витебской области. Её отца, моего деда, в 30-м году раскулачили и отправили в Сибирь. Они были трудяги. С такими власть разбиралась быстро.

Я родился в 1946 году. Мне было десять лет, когда папа, мама и трое детей (младшего брата ещё не было) поехали на Урал к деду Матвею. Тогда я узнал, что его сослали.

– Отец рассказывал Вам, что произошло в годы войны в Лиде с его семьёй? Где он был в годы войны? – спросил я.

– В партизанском отряде.

– Как туда попал?

– Отец был немногословным. В деталях эту историю не знаю.

Уходили люди в лес, и он ушёл. Ему было 32 года. Отец уговаривал уйти в лес маму. (Его папа до войны умер). Жена была на восьмом месяце беременности. И сестра была в положении. Он ушёл с женой. Супруга попала к немцам, и её расстреляли, но не в Лиде, а в Вороново. Мама и сестра попали в Лиде в гетто, они лежат в яме.

Отец, конечно, знал подробности, но я не расспрашивал, чтобы не причинять ему боль. Погибли они в 42-м году.

Отец вернулся из партизанского отряда после освобождения Лиды в 1944 году. Остался в городе. Ему рассказывали очевидцы, он знал, где и что произошло.

У меня был дядя – брат его, Яков. Очень непростой человек. Он ещё до 39-го года, когда Лида была под Польшей, никого не предупредив, исчез нелегально, подался в Россию, чтобы учиться. Незадолго до начала войны Яков уже работал в лаборатории физика-атомщика Абрама Иоффе. Очень способный был человек. Должен был получить Государственную премию как работник лаборатории Иоффе, за научные разработки. Наш отец уже знал, что Яков живёт в Москве, помогал ему. Когда узнал о вручении премии, отправил ему посылку с хорошим польским костюмом, чтобы выглядел как следует. Незадолго до вручения ночью – стук в дверь. НКВД. Яков был арестован и отправлен на строительство «Беломорканала».

Ему ещё повезло. Талантливый человек. Приглянулся главному инженеру строительства. Тот в выходные дни даже забирал Якова к себе домой. Он помог ему перед самой войной досрочно освободиться. Супруга Якова была из Ярославля, Вера Александровна Саблева. Он поехал к ней, в Москву нельзя было. У Якова было плохое зрение. В армию не взяли. В годы войны оказался в Узбекистане. После войны вернулся в Москву, нужны были учёные его уровня. Мой отец помогал ему материально: посылал посылки, деньги.

У нас с женой была в Лиде скромная двухкомнатная квартира, летом Яков с женой и двумя детьми приезжали отдыхать у нас. Яков умер в 75 лет.

Первое письмо в 1944 году, сразу после освобождения города от фашистов, мой отец написал Якову и рассказал, что произошло в Лиде.

Это письмо хранится в семье Бориса Мееровича Голубовича: «...передать всё на бумаге очень тяжело, а передать то, что проживал еврейский народ под страшным террором немецких бандитов – тем паче, ни в коем случае невозможно на бумаге передать...

Когда озверелые немцы наступали на наш город 24.VI.41, я бежал из Лиды вместе с Розой в направлении на восток, но, как ты знаешь, Роза была после операции, так что пришлось нам оставаться в Минске, где мы пробыли один месяц, не имея исхода, мы вернулись обратно в местечко Вороново, где женился я с Розой.

Прожил я в Вороново до первого погрома над евреями 11 мая 1942 года. В тот же день погибли страшной смертью наши лучшие друзья, в тот же день погибла наша дорогая мама, которая всю свою жизнь отдала на то, чтобы нас воспитать, в тот же день погибла наша дорогая сестра Грунечка с мужем и ребёнком, и Роза.

В тот же день, когда погибла наша дорогая семья, я бежал в лес, в партизаны, я там пробыл до прихода Красной Армии благодаря нашим любимым бойцам, нашей Р.К.К.А., которые освободили наш город от озверелых немцев. Вышел из леса жив и здоров, поступил на работу в «Белплодоовощтрест» в качестве зав. пунктом, где работаю до сих пор.

Живу вместе с семьёй Сталовицкой. Наш домик остался целым...»

С Борисом Мееровичем мы говорили долго и обстоятельно, пока не пришли к теме установки мемориала.

– Отец ходил на место расстрела? – спрашиваю я.

– Это было святое место. Ни одного 8 мая отец не пропустил, и мама тоже. Я маленький был ещё, и меня брали.

Там всё было сложно. Власти поначалу не очень-то соглашались признать, объявить, что это место расстрела только евреев.

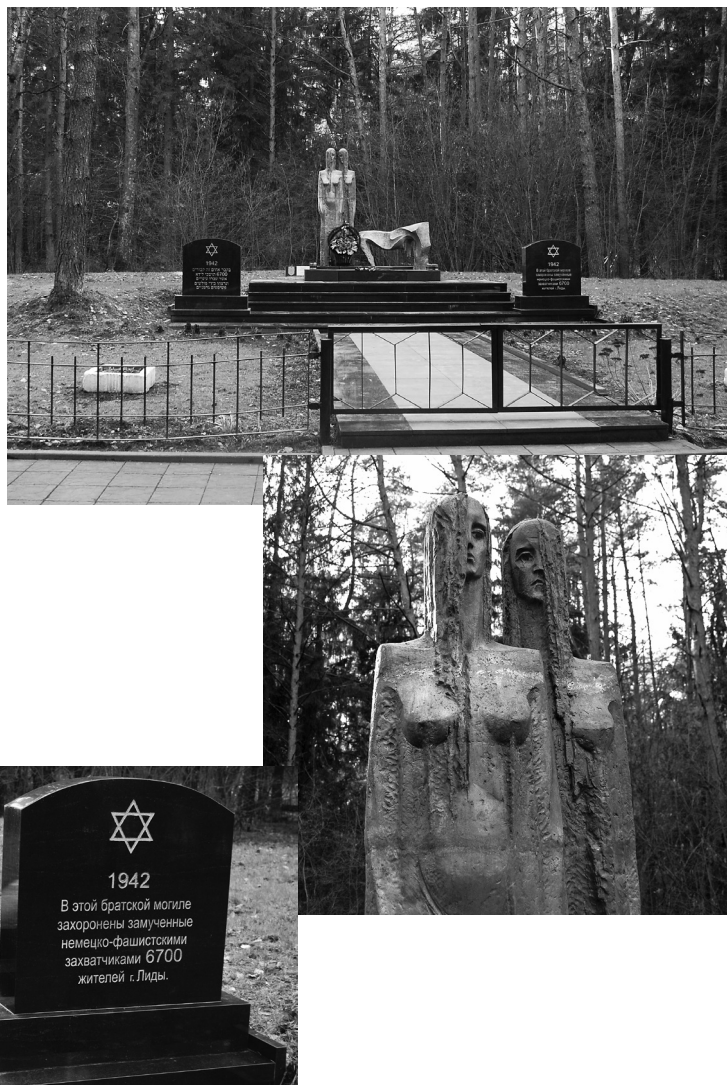
С большим трудом группа лидских евреев, переживших войну, у которых здесь были расстреляны семьи, думаю, и мой дядя Яков принимал в этом участие, получили разрешение поставить на этом месте хотя бы небольшую тумбочку. Это было где-то в середине 60-х годов. Может быть, вспомню не всех, пускай простят те, кого не назвал. Активными были Поляков, Коробейник Исаак Герцевич, Виленский, Капелевич Лев и мой отец Меер Израильевич Голубович. Их немного было. Поляков прошёл войну в армии, был в плену, чудом остался жив. Виленский воевал в партизанах, помог вывести большую группу людей в партизаны.

8 мая, в годовщину расстрела, все приходили. Когда поставили стелу, небольшую, из кирпичей, собираться стало больше людей. Поляков приходил с детьми. Вспоминали. Когда началась перестройка, Поляков читал молитву. Големполь Давид Ефимович приходил, он был директором «Межколхозстроя». Никто не препятствовал.

До 1990 года стояла скромная кирпичная стела.

У меня уже был кооператив. Я уехал в командировку в Польшу, в Познань, на выставку промышленных товаров. Отец неважно себя чувствовал. Я поехал с женой, с партнёром. Возвращаемся в понедельник. Заходим к партнёру домой, и там узнаю, что умер отец, и его уже похоронили. У меня с отцом были очень хорошие отношения. Он не раз помогал мне в жизни по разным вопросам. И, наверное, в отношении еврейства я был самым близким ему человеком.

Удар для меня был очень сильный. Самое главное, что я его не похоронил. Он маме говорил, что я очень часто уезжаю, наверное, что-то чувствовал. За поминальным столом я взял слово и сказал: «Нам всем, моей семье, это место очень дорого. Почему до сих пор стоит кирпичная тумбочка, неужели не можем сделать солидный памятник?» Все меня поддержали. Деньги у меня уже были. И я осуществил эту идею. Встретился со скульптором Тухто из Минска. Долго с ним всё обсуждали.



Двухфигурная композиция – одна фигура погибающая, вторая – это возрождение.

Много пришлось привезти песка – 4 тысячи кубов, чтобы на месте ямы выровнять площадку.



8 мая, на годовщину расстрела лидских евреев, у мемориала обязательно собираются люди. И среди них Борис Голубович и его семья.

Я не искал компаньонов, и никто не предложил себя. Когда уже было всё готово в 1992 году, приехал из Германии, из Нюрнберга, один бывший лидчанин. Спрашивает у меня: «Во сколько это обошлось?». Я ему в ответ: «Зачем хочешь знать?». «Хочу всё у тебя выкупить, вернуть твои деньги». Я ответил, что «это не продаётся».

Одновременно делалось и одно, и второе захоронение, которое называют «детским». Там тоже стояла маленькая тумбочка. Мы переделали. Получился комплекс – мемориал.



Мемориальная плита, установленная на втором захоронении.

Когда сделали первое и второе захоронение, Ася Даниловна Саулкина определила место третьего расстрела. Там был северный военный городок. Мне ещё отец рассказывал, что там тоже расстреливали евреев.

Третий памятник сделал местный скульптор. Я только помог в благоустройстве – закрыть место плиткой.

Каждый год 8 мая бываю там. Только когда болел, один раз, не смог приехать. Прилетали родственники из Америки – Сталовицкие. Собирается много людей. Школьники приходят, городские власти приходят.

Конечно, мемориал требует ежегодного досмотра. Надо что-то подновить, покрасить. Например, были более скромные плиты с надписями, ступени переделали.

Дети мои и внуки знают это место, бывают там. Сын и дочь. У меня шесть внуков. Старший интересуется еврейскими делами. В день смерти отца я приглашаю минского раввина, и едем в Лиду читать поминальную молитву «Кадиш». Внук Никита даже обиделся, когда однажды его не взял.

С третьим памятником на месте еврейских расстрелов получилась такая история... Ася Даниловна Саулкина тогда была председателем Лидской еврейской общины. Однажды к ней обратился старый житель города Зенон Бенько. Поляк по национальности, как все старые жители Лиды, имел много знакомых евреев. Бенько сказал Асе Даниловне, что, будучи пятилетним ребёнком, видел массовый расстрел евреев. Семью Бенько оккупанты выселили из дома, а дом отдали под гетто.

К этому времени уже стоял мемориал на месте двух массовых расстрелов евреев. Зенон показал место, которое он знал. Оно не было никак отмечено, более того, здесь собирались строить сервисный центр с автозаправкой, мойкой машин, магазином.

Ася Даниловна стала собирать документы, опрашивать старожил, и ей подтверждали, что там, где планируют строительство, был массовый расстрел евреев.

По просьбе еврейской общины в 2001 году был вызван сапёрный отряд Министерства обороны Беларуси, и приступили к раскопкам. Обстановка была достаточно нервная. Если подтвердится версия расстрела, надо менять запланированное и подготовленное для строительных работ место. Поисковики сделали три или четыре шурфа и ничего не обнаружили. Ася Даниловна всё время находилась на площадке и была в отчаянии. Неужели люди ошибаются, забыли? Всё может быть, столько лет прошло.

Чуть в стороне рос цветок красного мака. Саулкина попросила сделать раскоп рядом с ним. Вначале нашли детский мячик, а потом пошли кости. Как будто красный цветок рос в память о невинно убитых людях. Отменили строительство и решили поставить памятник на месте братской могилы.

Городская община считала, что это место массового расстрела евреев. Но городские власти сказали: «С чего вы это взяли? Здесь расстреляли жителей разных национальностей».

Когда достали из раскопа расчёски, гребешки, кольца, бритвы, советские монеты, подошвы от обуви, галоши, ключи, фрагменты пальто, парикмахерские машинки, бумажники, детские игрушки, а также детскую кипу, различные еврейские медалионы, вопросы отпали сами по себе. Были найдены останки приблизительно 200 расстрелянных человек. Возможно, погибших было больше, но раскопки прекратили, чтобы не тревожить останки погибших. Предметы, найденные поисковиками, передали в Лидский историко-художественный музей.

На месте расстрела поставили в 2004 году памятник. По разным сторонам площади сегодня и автостоянка, и заправка, и магазин. Так что места хватило для всех.

С установкой памятника произошла неприятная история. Две еврейские организации, участвовавшие в этом, не нашли общий язык. Памятник, уже сделанный, привезли к месту установки, а потом его увезли. У меня спросили, к чему об этом вспоминать. Мне и самому неприятно об этом писать, но уроки должны быть усво-



Памятник на месте расстрела еврейского населения Лиды и Вильнюса.

ены (если это возможно), и когда начинаются постыдные разборки, неплохо бы их участникам вспомнить об этом памятнике.

Памятник на месте массового расстрела безвозмездно (!) установил лидский скульптор, подчеркиваю, – нееврей, Ричард Груша. На обратной стороне камня надпись: «Подарок жителям Лиды от автора Р. Груши». На лицевой стороне слова: «Вечная память евреям Лиды и Вильнюса, зверски уничтоженным немецкими нацистами и их пособниками за принадлежность к еврейскому народу. 42-43 гг.» Надписи на идише и русском языке.



В результате частичных раскопок было установлено, что расстреляно 32 ребёнка. И рядом с оградой членами Лидской общины высажено 32 дерева, на которых каждую весну появляется новая листва.

У ограды лежат мацевы со старых еврейских кладбищ. Одно из этих кладбищ было в центре сегодняшней Лиды. Сюда же

привезли два надгробных камня из лесного кладбища в деревне Беньякони (рядом с литовской границей). Возник мемориал.

Значит, пришло время собирать камни.

А потом был обед в семье у Двилянских. Замечательный, очень вкусный еврейский стол, приготовленный Беллой Ароновой Двилянской, с рубленой селёдкой, рубленой печёнкой, прекрасно приготовленной курицей (пальчики оближешь), и ещё (всё меню не буду расписывать)...

А за обедом и сразу после него – такой же интересный (вкусный!) разговор.

– В двадцатые-тридцатые годы сочетание в одной семье ортодоксального еврея и неверующего советского человека было редкостью, – рассказывает Белла Ароновна. – Но всё повторилось в нашей семье уже в семидесятые годы, когда мы с Мишей женились.

*Яков Абрамович и Фаина Ефимовна
Двилянские.*



Мишин папа – из Западной Беларуси, что называется, «еврей до мозга костей», мой папа – боевой офицер и коммунист. Они были абсолютно разные люди. Иногда во время семейных праздников, во время общих застолий они начинали спорить, и нам было не до смеха. Хотя, наверное, благодаря чувству юмора нам с Мишей удалось

всё это пережить. Однажды зашёл разговор о польском времени. Мишин папа стал вспоминать: «Пилсудский наступал. Говорю: “Бросайте винтовки”». Мой папа как стукнет кулаком по столу. Ему было непонятно, как в армии можно было даже так думать: «Бросай винтовки».

Мой отец Арон Михайлович Зусман из семьи, где было десять детей: девять братьев и одна сестра. Вырос в еврейской семье и по укладу жизни, и, как теперь говорят, по менталитету. И в то же время его собственная семья — это другой уклад жизни. Он — красный командир и коммунист. Пока меня на улице не стали обзывать, я не знала, кто я, думала, такая же как все.

Папин папа, мой дедушка, был третейским судьёй на Украине. Второй мой дедушка — мамин папа — ортодоксальный еврей, постоянно читал Тору и молился. Когда мы жили вместе, в коммунальной квартире, где были одни военные, дедушка выходил на кухню и читал молитвы. Это 1937 год. Папа ждал, что это плохо закончится. В Красной Армии он с 1930 года. Родители жили в Подмосковье. Папа видел, что арестовывают одного за другим его сослуживцев. И он написал заявление: «Прошу отправить меня служить на дальние рубежи нашей Родины».



Арон Михайлович Зусман.

В годы войны отец – воентехник 1-го ранга, помощник командира по снабжению 307-го артиллерийского полка 169-й стрелковой дивизии. Участник боёв за освобождение Сталинграда, Восточной Пруссии, Польши и Берлина.

9 мая 1945 года Арон Моисеевич (на службе именовали Арон Михайлович) встретил у стен Рейхстага, где и сфотографировался подполковник Зусман.

Его любили подчинённые, о которых он заботился, без преувеличения, как о родных людях. Сохранилось письмо, которое написал его ординарец, где он называет Арона Моисеевича – «батей».

После демобилизации Зусман мог выбрать для дальнейшей жизни любой город Советского Союза. Без работы бы не остался. Но приехал в провинциальную Лиду, в которой до этого времени ни разу не был. Его направили сюда, потому что местное автомобильное хозяйство, совершенно разбитое в годы войны, нуждалось в опытных руководителях, знающих дело. Арон Моисеевич, будучи директором автобазы, сделал её одной из лучших в Белоруссии. За это был награждён орденом Ленина. Это высшая награда в Советском Союзе.

Заслуженный офицер, кавалер многих орденов – он всю жизнь оставался скромным человеком. Никогда не выпячивал себя.

Награды отца Белла Ароновна передала в Лидский историко-художественный музей. Они находятся в его экспозиции.

Михаил Яковлевич Двилянский рассказывает о своём отце.

– Яков Абрамович прошёл три круга ада. Сначала гетто в Вороново. Туда согнали евреев из самого местечка, свозили из окрестных сёл. Евреи Вороново в большинстве своём не стали уходить на восток. Во-первых, не было времени для подготовки и раздумий, немцы уже через несколько дней были в местечке. Люди, помнившие Первую мировую войну, не очень боялись прихода немцев. Они жили при разных властях и привыкли приспосабливаться к ситуации. И главное, была у родителей Якова Двилянского большая семья, больные ро-

дители. С кем пускаться в дорогу? Его родные, вся большая семья, погибли в Вороново.

Яков оказался в Лидском гетто. Молодёжь гоняли на работу на железную дорогу. В гетто появилась подпольная организация, которая была связана с партизанским отрядом братьев Бельских. Они рассказывали молодёжи, как найти в лесу отряд. И когда 8 мая 1942 года евреев лидского гетто повели на расстрел, Яков чудом спасся вместе с двоюродным братом Ицхаком.

По узкой улице вели людей, было большое скопление народа. Яков и Ицхак выбрали момент, перескочили через забор и бросились убежать. Они слышали выстрелы за спиной. Им повезло, сумели добраться до леса. Через какое-то время нашли партизанский отряд братьев Бельских.

Якову Абрамовичу было 28 лет. Воевал в боевом подразделении партизанского отряда имени Калинина. Когда Красная Армия в 1944 году освободила Западную Беларусь, призван в действующую армию. Участвовал во взятии Кенигсберга.

После демобилизации вернулся домой. Надо было дальше жить. Всё разбито, нет никого родных. Надо было создавать семью. Работать пошёл на обувную фабрику заготовщиком. За женой отправился в Бобруйск. Оттуда и привёз Фруму Хаимовну – Фаину Ефимовну. В Лиде она пошла работать в парикмахерскую.

Родился старший сын – Михаил. Через четыре года – Аркадий.

Отец всегда был примерный семьянин, никогда и нигде не задерживавшийся. Работа – и сразу домой. Однажды Фаина Ефимовна с двумя маленькими детьми ждала мужа с работы, а его нет. Вечер, ночь... Пошла в милицию. Где искать мужа? Её отовсюду гнали. И наконец кто-то разжалобился видом маленьких детей и сказал: «Арестовали его. Отвезли в Гродно. Не ищи».

Шёл 1951 год. Как потом выяснилось, арестовали за слова про Израиль, которые он написал в своём стихотворении. Дали десять лет. Пока сидел в Гродно, подкармливал его через своих прихожан местный ксёндз.

Реабилитировали Якова Абрамовича в 1955 году.

Дома говорили на идише. Иногда Яков Абрамович и на улице заговаривал с женой на идише. Она всегда останавливала его: «Люди кругом. Говори тише».

– И я, и брат знали еврейский язык, – рассказывает Михаил. – У брата есть песня, которую исполняет наш коллектив «Шалом», – «Мама, говори со мной на идиш». К сожалению, сегодня не с кем говорить, и язык уходит. Отец ещё до войны хотел уехать в Палестину, потом, после войны, – в Израиль. Но по разным причинам не получалось. Еврейство и Израиль всю жизнь жили внутри него.

Когда с начала девяностых годов в Лиду стали приезжать израильские делегации, он обязательно встречал их и сопровождал по городу. Ему тяжело было ходить. Он ехал впереди израильтян на велосипеде, к которому был прикреплён израильский флаг.

С радостью воспринял, когда в 1994 году начали работу над «Ивьевским проектом». Действие происходило под открытым небом и перемещалось с одной лесной полянки на другую.

...Сцены из довоенной жизни, лирические, трогательные, тревожащие память.

Вспоминают, что когда литовский актёр Костас Регинас узнал, что литовские полицейские расстреливали евреев, он ушёл в лес и заплакал.

Были задействованы артисты из Минска, Вильнюса, музыканты ансамбля «Шалом».

Яков Двилянский был и главным консультантом, и артистом, и зрителем. Он ежедневно приходил на репетиции, был во время съёмок. Лето было очень жаркое, и сердце 80-летнего человека не выдержало...

В разных семьях воспитывались Михаил и Белла Двилянская. Профессию выбрали связанную с музыкой. Закончили консерваторию. Белла Ароновна преподаёт теорию музыки, Михаил – скрипку. И дочь, и внучка живут в Израиле. Внучка скрипачка...

Я ждал, когда Михаил возьмёт скрипку. Ну какое же застолье в доме музыкантов без музыки? Михаил взял инструмент, всем раздал предметы, которые могли стать ударными, и началась импровизация.

Музыка стала прелюдией к нашему разговору об ансамбле «Шалом».

— Скоро нашему клезмерскому ансамблю «Шалом» исполнится 30 лет, — рассказывает его бессменный руководитель Михаил Двилянский. — Солидный возраст, немногие коллективы могут похвастаться такой биографией. Тем более, что мы представляем небольшой город, не избалованы ни вниманием спонсоров, ни прессы. Но наша музыка по-прежнему звучит, радует людей. Мы выступаем, гастролируем. Приятно вспоминать, как всё начиналось. Однажды сидели у Тамары Бородач дома. Я, мой брат Аркадий и Тамара. И в разговоре проскочило: «Давайте что-нибудь придумаем!» Я с Аркадием — с высшим музыкальным образованием. Решили создать клезмерский ансамбль. Небольшой по формату. Потому что много людей у нас не наберёшь. Стали подыскивать музыкантов. В педтехникуме работала Светлана Фельдман. Она хорошо пела. Встретились, поговорили. Она с удовольствием. Потом вышли на Марка Черняка. Это фортепьяно. Наум Виленчик — кларнет. Так появился коллектив. В 1996 году дали первый концерт. И пианист, и кларнетист когда-то учились музыке. Нам



Белла и Михаил Двилянские.

хотелось, чтобы звучала еврейская душа. Но мы понимали: необходим профессионализм. И состав стал понемногу меняться.

Всё это, безусловно, так, и я, зная много лет «Шалом», могу подтвердить рассказ Михаила. Но, думаю, начало еврейского ансамбля – в семье Двилянских. Его родители не играли, не пели в «Шаломе». Не тот возраст был. У отца Якова Двилянского был отличный музыкальный слух, хороший чистый тенор, знал много еврейских, русских, польских, немецких песен.

«Мамин старший брат – Зяма, погибший на фронте в 41-м году, был талантливым флейтистом. Вся большая семья по маминой линии – Яша, Цыля, Роза, Нина – исключительно музыкальная, голосистая. Внучка Розы Юля подхватила талант Зямы – первая флейта в оркестре Владимира Спивакова! Цитирую статью Аркадия Двилянского «Песнь о маме»: – ...Особенно часто родители пели всемирно известные, ставшие народными еврейские песни “Der alefbeiz” (“Азбука”), широко известная как “Oyfn pripetchok brent a fayerl”, “Майн штетеле Бельц” (“Моё местечко Бельц”), а так же “А идише мамэ” (“Еврейская мама”), “Тум балалайка” и другие».

– Еврейская музыка жила в душе Аркадия, – рассказывает Михаил. – Он написал в первые годы для нас много песен, еврейскую сюиту, клезмерские инструментальные произведения. К великому горю, Аркадий рано ушёл из жизни. С его участием мы достигли бы больших результатов.

«Шалом», как это модно сейчас говорить, успешно «раскручивался». Слова благодарности Якову Басину, который в те годы руководил Белорусской общиной прогрессивного иудаизма, Леониду Левину – руководителю Белорусского союза еврейских общин и организаций. Они активно приглашали коллектив на еврейские мероприятия в разные города Беларуси. «Шалом» представлял еврейскую культуру на республиканских концертах. Неоднократно выступал в Польше.

У Михаила Двилянского хранится буклет II Московского международного конкурса исполнителей народной еврейской музыки. В

жюри знаменитые музыканты. Выступали коллективы из Киева, Харькова, Самары, Иерусалима. Звучали песни на идише, на иврите, клезмерские произведения. Ансамбль «Шалом» был не только замечен, но и назван в числе лучших.

Хотя некоторые

участники конкурса про город Лиду впервые услышали.

В Москве выступали Михаил Двилянский, кларнетист Стас Мишкель, преподаватель Лидского музыкального училища, и солистка Светлана Фельдман.

В коллективе появлялись новые люди – солистки Лариса Шабалина и Екатерина Сыманович. Новые голоса, новое звучание...

Постоянно в работе, поиске, движении. Недавно «Шалом» выступал в Мирском замке. Когда-то в Мире была процветающая еврейская община. Собрались потомки из разных стран. Пригласили поиграть.

В Минске проходил очередной Фестиваль канторской музыки. Михаил Двилянский выступал вместе с солисткой и сольно.

Преподавательская деятельность в музыкальном училище, репетиции и выступления ансамбля «Шалом» занимают значительную часть времени. Не забывает Михаил про литературу. За последние годы вышли его небольшие по формату, но содержательные книги «Музыка еврейского сопротивления», «Музыка в еврейской семье», «Боль души. Стихи о Холокосте», где он автор и составитель. Сейчас работает над книгой «Клезмерская скрипка».



Дело шло к вечеру. И насыщенный встречами день мы завершали у Владимира Давидовича Мильграма. Военная косточка в нём осталась. Завершил воинскую службу подполковником.

Владимир Давидович Мильграм родился в Москве. Этот город до сих пор живёт в нём, он помнит улицы и переулки детства. Хотя по свету пришлось поездить немало. В 1941 году мама с детьми была эвакуирована на Урал, отец Давид Захарович с первых дней на фронте. Эта семья из поколения в поколение знала, что такое война. Дед Абрам Израилевич Шварц – солдат царской армии, попал в немецкий плен. До 1918 года был в плену. Выхлопотала его освобождение мамина сестра, хорошо знавшая немецкий язык, Соня Абрамовна Шварц, и привезла из плена.

Отец до войны работал инженером в Центральном аэрогидродинамическом институте имени профессора Жуковского – крупнейшем государственном научном авиационном центре России.

Давид Захарович дошёл до Берлина в должности заместителя командира авиационного полка по технической части, имел множество боевых наград. В послевоенные годы работал на секретном оборонном заводе. Почувствовав, как нарастает вал антисемитизма в стране, решил увезти семью из Москвы. Завербовался в посёлок Батогань, это за Полярным кругом, где работал начальником аэропорта, затем – заместителем начальника шахты, в которой добывали оловянную руду. Там Володя закончил школу и поступил учиться в Костромское военное училище химической защиты, а окончив его в 1958-м, отправился на первое место службы – в белорусский город Лида. Здесь встретил свою жену – учительницу начальных классов Татьяну.

Затем учился в академии химзащиты в Москве, служил в Волгограде, на Чукотке, Сахалине, в Западной Украине. В 1984-м вышел в отставку в звании подполковника и вместе с супругой вернулся в Лиду.



*Владимир
Мильграм в
кукольном те-
атре «Арле-
кин».*

Работал на разных должностях, в том числе военруком в школах. Энергии было и, надеюсь, сохранилось немало. Учился на курсах, организованных для офицеров, вышедших в отставку. Получил диплом экономиста. Попал в среднюю школу №15 преподавать экономику. Там работала Тамара Бородач — одна из организаторов еврейской общины нового времени в Лиде. Однажды она пригласила Владимира Давидовича прийти на еврейский праздник Пурим. Владимир после смерти жены восемь лет жил с мамой. Он предложил: «Мама, пойдём». Лея Абрамовна, с детства помнившая еврейские праздники, с удовольствием согласилась. Так Владимир Мильграм пришёл в еврейскую общину. Одно время был в ней бухгалтером. Человек по натуре энергичный и непоседливый. Всё время должен быть в движении. Ставил спектакли в кукольном театре «Арлекин», активно участвует в работе клуба «Активное долголетие», много общается, читает, поддерживает себя в хорошей физической форме.

В Лиде живёт историк, краевед, кандидат наук Валерий Сливкин. Он выпускал журнал «Лидский летописец». В майском номере журнала, это было лет двадцать назад, были пе-

речислены все события текущего месяца. Только «забыли» о майском расстреле евреев Лиды, который был в 1942 году.

Владимир Давидович узнал, что Сливкин работает в музее старшим научным сотрудником, и отправился к нему. Разговор был по-военному конкретным: почему не написано про 5670 расстрелянных евреев? И требование немедленно исправить это. К удивлению Владимира Давидовича, Сливкин ничего не знал об этом, вернее, так он сказал.

Мильграм пересказал всё, что знал по этой теме. Сливкин заинтересовался, стал работать в архивах. Опубликовал несколько статей по теме Холокоста в Лиде. Приходил в общину на шabatты, выступал с сообщениями. Однажды он предложил Владимиру Мильграму: «Приходите работать в музей. Займитесь еврейской темой. Ей никто не занимается». Одна из музейных работников была в декретном отпуске, и на это время Владимир Давидович стал «штатным историком».

Про евреев-земляков, которые многого добились в науке, литературе, искусстве, в Лиде мало знали. Мильграм немного успел, но получил интересный материал о жизни и научной деятельности Аркадия Мигдала, который родился в Лиде, – крупнейшего учёного, физика-теоретика, профессора, академика АН СССР, одного из основоположников современной теории атомного ядра. Очень интересный собеседник и эрудит.

Аркадий Бенедиктович Мигдал стал наставником для множества учеников, воспитал десятки активно работающих физиков-теоретиков, среди которых – академики, члены-корреспонденты, доктора и кандидаты наук. Это и есть «школа Мигдала».

Не побоялся А.Б. Мигдал заступиться за академика А.Д. Сахарова. В 1981 году он был одним из тех, кто помогал А.Д. Сахарову, который был для него образцом гражданина. Когда вставал вопрос выбора, Аркадий Бенедиктович вёл себя очень достойно и в тяжёлые времена не запятнал свою биографию ни единым недостойным поступком.

Но бурной и деятельной натуре Аркадия Бенедиктовича Мигдала мало было обычных рамок науки. К нему вполне подходят пушкинские слова «...и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник...». Аркадий Бенедиктович был человеком многих дарований. Не было области, в которой бы он не разбирался так, как это делают профессионалы.

Аркадий Бенедиктович был талантливым скульптором и резчиком по дереву и камню, что открылось уже в зрелом возрасте.

Своим его считали горнолыжники и альпинисты. К горам у него было своё отношение – он любил их гармонию.

А.Б. Мигдал стал одним из основателей отечественного подводного спорта, первым председателем президиума Федерации подводного спорта СССР, организованной в 1959 году, имел удостоверение аквалангиста под номером 0001.

Научные заслуги А.Б. Мигдала неоднократно получали высокую оценку: награждён орденом Ленина (1954 г.), трижды орденом Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской революции и медалями. В 1977 году за выдающиеся достижения в области физики плазмы был награждён Золотой медалью им. Л.Д. Ландау.

Его знаменитые слова могут стать лозунгом многих современников: «Смысл жизни не в том, чтобы прийти к цели кратчайшим путём, а в том, чтобы как можно больше почувствовать и увидеть по пути. Надо жить каждый момент, не готовиться к будущей жизни, а жить».

Город Лида должна гордиться своим земляком.

Есть ли у еврейской общины Лиды будущее? Не берусь ответить на этот вопрос. Еврейская история не предсказуемая. Уверен: жить надо с памятью и передавать её детям.

Библиотека журнала «Мишпоха»
Серия «Моё местечко»

Литературно-художественное издание

ШУЛЬМАН Аркадий Львович

Путешествие во времени и пространстве
Очерк

Компьютерная вёрстка С.Б. Никоноров
Корректоры И.В. Марченко, З.В. Цыганкова

Фотографии Аркадия Шульмана,
а также из архива Андрея Фишбайна